

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

СЕЛЯР

Владимир Геннадьевич Поселягин

Сепар

Серия «Боевая фантастика (АСТ)»

Серия «Собиратель», книга 3

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70377685

Сепар: АСТ; М; 2024

ISBN 978-5-17-151126-5

Аннотация

Война – всегда страшное дело. Сейчас Ген Буров не просто опытный космический волк, а боец танкового батальона народной милиции ДНР. Весь его опыт поможет в этой борьбе света и тьмы. Добро всегда накажет зло, поставит его на колени и... А Сепар всегда готов пролить кровь – и нациков, и свою...

В книге присутствует нецензурная брань!

Владимир Поселягин Сепар

Серия «Боевая фантастика»

Цикл Владимира Поселягина «Собиратель», книга 3

Иллюстрация на обложке Бориса Аджиева

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Владимир Поселягин, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Стараясь не трести головой, я уткнулся лбом в мягкую резину прицела и запустил пси-диагностику. Снова голове досталось, а ведь практически долечил, пока мы катили. Повреждений от контузии множество, но мелких, и маны тратилось немного. У меня в источнике успело процентов семьдесят маны накопиться, шестьдесят потратил на диагностику головы, а оставшиеся десять на то, чтобы убрать два самых ярких очага. Пока источник снова наполнялся, морщась, сел прямо. Подташнивало, чуть кружилось всё вокруг, но я уже в сознании, не плавал на границе, как до этого.

– Это кто же нас так? – пробормотал я.

Вопрос не праздный, долбанули раз, могут и повторить, видя, что мы не горим. С трудом сев нормально, я стал заглядывать в приборы наблюдения. Думал нас ПТУР достал, это точно не танки, те не успели обнаружить нашу позицию и развернуть башни, только метались, пытаюсь уйти из-под прицела. Не сразу, но я засёк в четырёх километрах, у посадки, тёмную массу тяжёлой гаубицы. Кажется, «Гвоздика». Оттуда нам и прилетело. Похоже фугас. В башню со стороны командира попали. Надо же, первым снарядом. Саму гаубицу я бы и не засёк, но она ворочалась, явно готовясь бить по селу, где наши засели.

– Хм, так их там две?

И вторую с трудом смог рассмотреть. Между нами и гаубицами была посадка, но редкая, силуэты машин рассмотреть можно, они пятились назад, чтобы деревья им не мешали. Боевики же, видя, что мой танк замер, больше минуты уже не подаёт признаков жизни, хотя и не горит, перестали метаться, танки снова повели огонь по селу, да и лёгкая бронетехника вернулась, БМП и БТР, а то рванули в разные стороны при первых выстрелах и поражениях. Видно командир имел авторитет, остановил и вернул. Я пока медитировал и лечился, в глазах двоилось, потому так с трудом гаубицы и рассмотрел, отметил, что два расчёта украинских военных готовят ПТУРЫ, один навели на мою машину, видимо на всякий случай, чтобы долбануть если что, второй по селу бил, видать, фугасами. Стоит отметить, пока я контузию лечил, что против меня именно украинские военные были. У боевиков нацбатов не было тяжёлых артсистем или танков. Лёгкая бронетехника – да, но не тяжёлое вооружение. Так что тут ВСУ, может, их поддерживают нацбаты, как лёгкая пехота, но и всё. Вообще сложно было. Чёрт, да четыре сотни лет прошло как я жил жизнью Геннадия Бурова. У меня отличная память, но не идеальная. Воспоминается многое, но фрагментарно. Будет свободное время – нужно тут освоиться, получить требуемую информацию, чтобы белой вороной не казаться, но пока не до этого. Пока же лечился, трёх минут мне хватило, поверьте это очень быстро, я активировал зарядку пушки – башня и орудие в порядке, бой ещё

не закончен. В ствол подало фугасный снаряд – первым делом уничтожу расчёт ПТУРа, потом остальных достану, кто смыться не успеет.

Что по трём уничтоженным мной танкам, жаль, нет кумулятивных снарядов, но это и не бронебойные болванки, и подкалиберными неплохо бить противника. Как наглядно мной доказано, три выстрела – три поражения. Вообще это сложно, но я схитрил, все три уничтоженных мной танка были ко мне бортами, иначе замучился бы их ковырять. Я изучил Видением ранее боевые отсеки обоих типов машин, что Т-64, что Т-72, и знал, где у них боеприпас складирован, – бил туда, чтобы вызывать если не детонацию, то хотя бы пожар, порох вспыхнет. Экипажу и тут хана будет. Отпускать живыми украинских танкистов я не желал категорически. А вышло так, что один танк вспыхнул, люки открылись и факелы огня с дымом и пеплом устремились вверх. Два других танка разнесло, сдетонировал боезапас. Видать только начали обстреливать село, полным был. Против меня остались один Т-64 и один Т-72. Причём, ползая по полю, борта моей пушке не подставляли, явно с опаской поглядывая в мою сторону. Тут танк трянуло, да здорово, если бы не открытые люки, контузия бы гарантировалась. А это расчёт ПТУРа решил, что можно потратить кумулятивную ракету по мне. Поджечь решили. Видимо сработала динамическая защита, вонь сгоревшего тротила дошла, но вроде пожара нет. Расчёт начал спешно перезаряжать устройство, когда я закон-

чил лечение, не до конца, хотя бы до момента, когда смогу уверенно вести огонь, сознание не плавало, как и зрение, так что повернул башню (это осталось незамеченным) и нажал на педаль, отчего оружие грохнуло и расчёт размазало фугасом, тот стоял в трёх километрах от меня у склона оврага. Спрятаться внизу не успели, двоих солдат просто не стало, снаряд в ногах у них рванул. Автоматическая перезарядка уже подавала следующий снаряд, подкалиберный, и я вылавливаю один из танков. Странно, видать выстрел не засекали, хотя часть солдат забеспокоились, видели разрыв фугаса. Вообще похоже, ВСУ решили атаковать село, тут до батальона пехоты было и полтора десятка единиц бронетехники. Ну и два танка. Вот под прикрытием брони они и двинулись к окраинам села. Довольно грамотно, на окраинах вставляли многочисленные миномётные разрывы. Жаль, но миномётную батарею я не видел – где-то в низине стоит, а остальные вполне в прицеле.

К слову, воспоминания мои хоть и фрагментарны, но, например, то, что многие считают бандитов из нацбатов преступниками и при этом жалеют солдат ВСУ, мол, они вынуждены с нацбатами работать, это в корне неправильно. Я разницы между этими двумя структурами не видел. У нацбатов нет реактивных систем «Град», «Ураганов» или ударных систем «Точка-У». По городам Донецка и Луганска била артиллерия именно ВСУ, так что они такие же преступники, как и нацисты. Да и сами нацисты расползлись, отправ-

ляли своих людей в военные училища, они уже отучились и составляли костяк офицерского состава ВСУ, насаживая свои идеалы, потому свастика и громкие призывы уничтожать «русню» уже никого не удивляли. Нет разницы между ними, и уничтожать нужно что тех, что других. Это моё личное мнение, и я буду придерживаться его. Пушка зарядилась. Выстрел.

Вот тут наикики забеспокоились. Оба танка по сути в мёртвой зоне для меня были, но у одного торчала корма и снаряд попал в ведущее колесо, звёздочку вырвало, её с обрывками траков гусеницы отбросило. Этот танк уже никуда не поедет. Второй танк ВСУ стоял за горевшим Т-64, тут я видел только ствол пушки. Именно в него я и попал следующим снарядом. Брызнули искры. И этот выведен из строя. Поверьте, при попадании в ствол вести огонь уже невозможно, танк остался на ходу, может смяться, если я дам, но не вести бой, в отличие от первого. Там ситуация наоборот, хода лишился, но вести огонь вполне может, и я у него в мёртвой зоне. Пока я разворачивал башню в сторону позиций «Гвоздик», они мои следующие цели, в ствол пушки зарядное устройство успело подать два фугаса, и я аккуратно положил их, точно за кормой двух БМП, за которыми шли примерно по взводу украинских вояк. В центре боевых построений легли. Разметало. Сами бронемашины меня слабо интересовали, а вот личный состав этого батальона, что атаковал село, очень даже. А тут два фугаса и двух взводов по сути нет, то, что

убиты все, это вряд ли, едва ли половина, остальные или ранены, или контужены, но легли все. Однако башня повернулась, и я стал бить через посадку по стоявшим там тяжёлым гаубицам. Они уже успели сделать выстрелы, в селе поднялось несколько мощных разрывов, пора понести за это наказание. Тут не так и далеко до Донецка, как старшина сказал, и сорока километров не будет. Думаю, и эти гаубицы участвовали в обстреле города, а значит, тут им и возмездие за обстрел мирного населения. Меня, конечно, удивило, что они на таком небольшом расстоянии работали, из села их ПТУ-Рами вполне могли достать, но скорее всего просто меняли дислокацию, их перехватили нацики, что сейчас штурмуют село, и срочно потребовали огневую поддержку. Вот и получилось, что они тут недалеко позиции развернули. Не батарея, взвод гаубиц. Плюс пять грузовиков, видимо с топливом и боеприпасами.

Наконец я подправил прицел, подкручивая валики прицельного устройства, и нажал на педаль. Пушка грохнула, и снаряд унёсся огненным росчерком к первой «Гвоздике». Тут бил больше наугад, по силуэтам, что стояли ко мне чуть боком и чуть передком, наискосок. Дальность на пределе, но дотянулся. Сложные цели, на самом деле. Мне три снаряда потребовалось, пока я пламя среди деревьев не рассмотрел, горит сволочь. Вторая начала пятиться назад, тут два снаряда, и она запылила. Похоже даже детонация была. Ещё два грузовика достал, остальные свалили. Спешно разворачивая

башню, я уже подал в ствол фугасный снаряд. Первым расчёт второго ПТУРа уничтожу. Они по мне уже дважды пальнули, пока я гаубицы на ноль множил, первая ракета росчерком, с дымным следом, мимо пролетела, рванула позади, похоже фугасная, вторая снесла мне пулемёт на башне. они готовились третью пустить, но я уже разворачивал башню. Причём по мне били также пушки БМП, об атаке на село уже и речи не шло, нацики откатывались и достали, тряхнуло танк пару раз, к тому же на двух БМП также системы ПТУР стояли, пустили ракеты, но промахнулись. Одна перед мной рванула, подняв в воздух куски земли и грязи, прицел чуть грязью запачкало. Стоит отметить, что, когда я проследил прилёт первой ракеты, той, что фугасная, думаю, расчёт освободил установку от неё, не прицельно, я рассмотрел за своей кормой длинную змею разной техники.

Мы со старшиной по этой полевой дороге и прикатили. В основном грузовики были и бронетранспортёры. Возглавляли её три танка Т-72. Похоже наши, буква «Z» видна, флаги ДНР. Надеюсь, не всадыт мне в корму снаряд, я у них как на блюдечке. Шли от блокпоста, где я танк позаимствовал, потому и была надежда, что сообщат о трофейной машине. Поэтому, с вполне здоровой опаской поглядывая в их сторону, я продолжал лупить из пушки. Один раз автоматика перезарядки заклинила, но двумя ударами подошвы правого ботинка сдвинул, и она продолжила работать. Можно было и телекинезом, но источник пуст, так что ножкой поработал.

Пока колонна с подразделениями народной милиции ДНР доползла до моего танка, не останавливаясь двинув дальше, я успел сделать восемнадцать выстрелов. Из них шестнадцать фугасами и два подкалиберными. Изредка ведя огонь на ходу (а нацики уже отошли, визуально только последних видно было, драпали только так, шли дальше), я поднял приоткрытый люк и выбрался наружу. Уже можно, уже безопасно. Ко мне катил один из БМП, «единица», на броне бойцы сидели. Шатаясь, закинув автомат за спину, стараясь не порезаться об острые грани изувеченной зенитной турели, открыл люк командира и, ухватив старшину за ворот, пытался вытянуть его наверх. Не получилось. Бойцы, взлетев на танк, в шесть рук помогли мне вытащить старшину. Остальные приняли и уложили на землю у правой гусеницы.

Что я успел с момента, как увидел колонну и до момента окончания боя? А он окончился, село горело, украинская техника тоже, похоже всё, но выстрелы были редки. А уничтожил я второй расчёт ПТУРа, потом три БМП, одна «единица» и две «двойки», один украинский БТР-4, он там один и был, наводчик хорош, снаряды по башне моего танка точно клал, и дальность не мешала. Все эти машины запылали. Остальные смылись. Честно признаюсь, я больше буду уважать того ополченца, что убьёт националиста из нацбата, чем того, что будет говорить, как сжёт бронемашину противника. Разница для меня большая. Поэтому бил именно по пехоте, фугасами. Много или мало, не знаю, но роту точно положил,

наглухо, ещё взвод, может два, контужеными и ранеными.

– Алмаз, доклад, – скомандовал один из бойцов, что помогал доставать контуженого старшину, с ним уже медик работал. Похоже командир, которого бывший хозяин тела знал.

– Простите, как к вам обращаться?

– Хм, ты меня не помнишь?

– Контузия. Когда очнулся в подбитом танке, узнал, как меня зовут, из документов, найденных в кармане. Потом мехвод, старшина Баркалин, рассказал кто я и откуда.

– Кто вёл бой?

– На месте наводчика-оператора находился я.

– Да, видел, как ты с его места выбирался. Память потерял и стрелял?

– Да там всё интуитивно понятно, не сложно было. Ни одного промаха не было.

– Понял.

Тот снял рацию с нагрузки и вызвал кого-то:

– Подойди, тут с твоим бойцом проблемы.

– Принято, – донеслось из радиации с хрипами эфира.

Кстати, в танке рация вышла из строя, видимо от фугаса «Гвоздики», три ходи-болтайки, что я снял с трёх нациков, имелись в вещах, но времени добраться до них не было. У Лёхи радиации не имелось, у погибшего командира была, я снял её, когда мы тело доставали, но и она вещах. Сил доставать тоже не было. Да и честно говоря, даже сейчас я стоял и меня шатало. Старшину в сознание привести так и не

смогли, тяжёлая контузия, наложилась на ту, что ранее была, его на бок положили, того тошнило, чтобы не захлебнулся. Уже затребовали машину для эвакуации. Вылечить можно, но я теперь не рискну, медик осмотрел старшину, и знает, насколько он поражён. Сам я кроме контузии имел разбитый лоб, рана на лбу над правым глазом, меня как тряхнуло от попадания снаряда гаубицы, о какой-то прибор приложило, и шлемофон не спас. Кровь подсохла и глаз уже не заливала. Причём о ране я и не подозревал, пока лоб не меть не начал и кровь глаз не залила. Начал смахивать, глянул на руку, а она в крови. Это и плохо, свидетели имеются, не успел залечить и спрятать рану, потом бы убрал. Пока же неизвестный командир, тот так и не представился, одно понятно по нашивке, мы из одного батальона «Дизель», убирая рацию обратно, спросил:

– Что с танком?

– Вы кто? Документы попрошу.

– Хм. Не доверяешь? Правильно. Заместитель командира мотострелковой роты Второго отдельного танкового батальона «Дизель». Позывной Варяг.

Документы всё же подал, и я их изучил. Всё точно.

– Докладывайте, боец.

– Танк на ходу, вооружение в порядке, кроме зенитного пулемёта. Боекомплект почти весь растрочен. Осталось семь снарядов, все подкалиберные. Пополнить боекомплект, пополнить экипажем, командир нужен и мехвод, старшина вы-

был, и можно продолжить вести бои.

– Себя, значит, выбывшим не считаешь?

– Я в порядке.

– Контузия, рана на голове, – скорее для себя вслух прокомментировал тот.

– Я в порядке, – с нажимом повторил я, хотя меня и должно шатать.

Тут ещё медик, закончив со старшиной, сняв у меня шлемофон и подшлемник занялся раной, проверяя на контузию. Зрочки осмотрел. В колонне в сторону села несколько машин прошло с обозначениями медиков, думаю, на обратном пути и старшину заберут. Что со мной будет, не знаю, видимо будет решать командир, с которым общался Варяг по радиции. Думаю, это кто-то из танкистов. Пока мне перевязывали голову, видимо требовалось, кровь снова пошла, Варяг всё опрашивал меня, ну я и описал, как очнулся в танке, убитого командира увидел, по георгиевскому банту понял, что свой, как долбились нацики в люки, как старшину выдернули, а я отбивался гранатами и автоматом. То, что гранаты особо не помогли, тоже сообщил. Трех я из автомата положил, поражённых гранатами не видел. Может, и были раненые, но убежали от горевших грузовиков все. Как старшину увидел, прихватив его, поволок прочь, от грузовиков. Не зря же нацики от них бежали. Потом старшина очнулся, я успел его раздеть и перевязать, удалив осколки. Раны медик видел, но бинты не трогал. Не помню, как оказывать медпомощь, но руки са-

ми всё делали. Старшина и описал, кто я, что-то вспомнил, эпизоды, пробудилась ненависть к нацбатам и ВСУ, ну и желание бить их. Старшина сказал, что помощь нашим нужна, срочная, я сбегал за трофейным танком, пусть контужен, шатало, но трусой бежать смог. Забрал танк, и вернувшись, сняв трофеи с нациков, командира вытащили, свои вещи, и рванули на помощь. Описал, что подбил и поджёг, по кому фугасами работал, дав примерный пересчёт потерь у противника, что атаковал село с нашими. Варяг кивал, что-то записывал в блокнот. Кстати, в нашу сторону двигался один из танков. Другие работали у села, часть сил преследовали противника. В селе работали медики, ну и бойцы, коих выделили для этого. Видать много раненых и убитых, ребят с носилками хватало.

– Видели мы ваш подбитый танк, – сказал Варяг. – Тепло Лета уже отправили в тыл. Насчёт трофеев, моё мнение твёрдо, это мародёрство. Но желание отдать семье погибшего командира одобряю. Сдашь моему ротному старшине, он выделит средства из резерва, их и передашь Нине. Помощь ей с дочкой потребуется.

– Я документы с тел нациков забрал. Оружие.

– Азовцы?

– Да.

– Добро, сдашь чуть позже, вон твой ротный подъезжает.

Варяг велел двум бойцам достать все вещи из танка, мои и старшины, и складировать на корме, а сам подбежал к под-

катившему Т-72 и, когда командир машины спустился, начал что-то ему описывать. Думаю, речь обо мне шла и о нашем бое. Я же, шатаясь на ходу, вернулся к танку, свой вещмешок прибрал, за спину закинул, поправляя лямки на плечах, и вещмешок старшины забрал, да и командира, отдельно положил. Двигатель танка продолжал работать, но это никого не смущало. Попадание фугаса в башню снесло динамическую защиту с этой стороны, другую часть перекосило. Видение кое-что показало мне, и я, присев, поднял коробку, их много под ногами валялось, эта мятой была, лёгкая, и, с трудом открыв её, показал подошедшим командирам:

– Пустая. Взрывчатки нет. А с другой стороны есть, там динамическая защита выдержала ракету с ПТУРа.

Надо сказать, командиры удивились, бойцы изучили другие коробки динамической защиты, простукали согнутыми пальцами, и что на броне – тоже. Танк уже заглушили, мехвод ротного постарался. Ротный, уточнив, помню ли я его, и, получив отрицательный ответ, довольно дотошно опрашивал о бое. Мои действия, мысли, почему решил бить тех или других первыми. Как просчитывал опасность для себя. В общем, видно, что профессионал. Правильные вопросы. После этого приказал садиться в кабину медмашины, обратно небольшая колонна собиралась, с погибшими ребятами, в селе шестеро наших погибло, и порядка десятка раненых, плюс гражданские, с ними меня и старшину и отправят.

– Я в порядке, товарищ капитан, – сделал упрямое лицо,

сказал я, ротный уже представился.

– Лёша, тут не в этом дело. Медики тебя осмотрят и решат. Я вижу, и с потерянной памятью ты бился как настоящий боец «Дизеля», тебя в пример можно ставить, счёт за один бой шикарен, но с контузиями не шутят. Если медики дадут добро, вернешься в строй. Не волнуйся, националистов на твой век хватит.

– Я знаю.

Как я ни уговаривал, ротный не поддавался, пока не рывкнул, отдав прямой приказ, и укатил обратно в село. Танк, на котором мы со старшиной дрались, оставляют тут в качестве усиления опорного пункта, экипаж из резерва пришлют. Они его и перекрасят, и нанесут наши тактические знаки. Хотя в нашем батальоне танков такой модели нет, только Т-72, но я и не говорю, что присланный экипаж из нашего батальона. Кому-то другому отдали. Я же быстро передал бойцам Варяга автоматы нациков, замкомроты документы азовцев принял, не изучая их, и большую часть трофеев. Те же рации им пригодятся. Варяг сказал, что вопрос с деньгами решат, старшина найдёт меня в госпитале и передаст. Там парни скинутся на материальную помощь семье. Это правильно, в отличие от продажи трофеев, даже снятую обувь с нациков забрали. Тут и колонна подошла, старшину на носилки и в кузов, там есть специально оборудованные места для перевозки раненых, машина на базе «Урала». Меня же в кабину. Вещи под ноги, а больше некуда, свой автомат меж-

ду ног, у старшины – на боку висит, и колонна, под охраной одного бронетранспортёра, покатила обратно, напрямиком на Донецк. Немолодой мужик, лет пятидесяти, крутя баранку, сверкая золотыми коронками, задорно трещал, сообщая, как мы здорово у села повоевали, убитых солдат противника десятки на поле, две роты точно там полегли, бойцы наши обходят, оружие собирают, ищут раненых. А два танка, из последних, целые по сути, экипажи их бросили, эвакуируют в реммастерские, уже велели пригнать эвакуационную группу. Там ещё брошенную технику нашли. Про наш бой рассказал, а ему бойцы, что в селе оборону держали. Они сейчас приходят в себя после жёсткого обстрела. Рассказывали, что видели попадание в наш танк, думали – хана, и действительно мы молчали, три танка укропов сожгли, порадовав обороняющихся помощью, да и старшина успел выйти на связь, а тут замолчали, и украинцы, воспрянув духом, напирали. А тут наш танк снова заработал, разнося украинские порядки. Позиция у нас действительно замечательная была. Да и «Гвоздики» сожгли, это тоже сказалось на рисунке боя.

Сам водила в эйфории был, так как Россия всё же вмешалась – спецоперация по защите Донбасса. Сегодня двадцать четвёртое февраля, вечер уже наступал, но это был день радости и победы всех жителей Донбасса. Теперь оборона, от которой все устали, заиграла новыми красками, мы не просто сдерживаем противника, а гоним его, освобождая свои земли. Водила много что говорил, пришлось сообщить, что

устал, и, приткнувшись к боковому окну, шлемофон на голове как подушка, я начал медитацию. Час успел потратить, была одна остановка на opravку, я тоже на обочине отлил, да воды попил из фляжки водилы, моя-то в вещмешке пустая, сопровождающий медик в кузове помогал раненым, и дальше поехали. В колонне шесть грузовиков, два чисто для перевозки раненых. Везли как наших, плюс гражданских, так и раненых украинских солдат. Ещё их лечить. Лично я против. Причём наши именно в медицинских машинах были, а вот укропы в обычных грузовиках. Вот так накопив резерв, я провёл диагностику головы и стал убирать следы контузии, убрал часть, стало легче. Потом новая медитация, и я провёл проверку уровня Дара. «Д-9». Неплохо, будем качать.

Тут я сделал то, что делал всего дважды во всех своих жизнях. В первый раз ещё когда изучал знания Джоре, второй раз, когда жил триста лет, будучи поисковиком-сборщиком и бывшим императором. Дело в дальности Видения. Три метра, стандарт после инициации, я уже начал кач, но доведу до четырёх метров через месяц, даже чуть больше. А Видение сейчас в этой войне, очень и очень нужная штука. Так вот, есть возможность его удлинить, за счёт уровня Дара. Если проще, если я спущу одну единицу Дара, спустившись до «Д-8», то увеличу дальность Видения до пятнадцати метров. Если считать три имеющихся, то будет восемнадцать метров, а это уже кое-что. Через пару дней можно повторить эту операцию, будет тридцать три метра, а это ещё лучше. Я плани-

рую вернуться в строй, а для танкиста такое Видение серьёзное подспорье. Понятно, от чего-то дальнобойного не уберёжешься, но от противотанковых мин и чего прикопанного, вроде фугасов, спасти может. Да и применение Видения возможно во множестве других случаях. Те же бои в населённых пунктах, с такой штукой, пусть без танка, я буду на коне, поэтому, прикинув все за и против, тут же в кабине грузовика и провёл эту операцию, маны для этого хватило. Земля не была пси-насыщенной планетой, поэтому чтобы вернуться с «Д-7» до «Д-9», потребуются месяцев пять, но время будет, верну, а такая дальность Видения нужна уже сейчас.

Процедура прошла неплохо, восемнадцать метров, я активировал опцию, мощности источника хватит, чтобы использовать её часа четыре непрерывно, осмотрелся и, отключив, стал дальше медитировать, с немалым трудом борясь со сном. Устал, силы нужно восполнить, а для этого сон самое то. Помедитирую и всё вложу в лечение головы, рану не трогал, там в принципе ничего серьёзного, так, бровь разбита, шрам будет, но и только. А чистил я голову от следов контузии, лечил барабанные перепонки, телекинезом почистил ушные проходы от крови. Если врачи их увидят, надолго запрут в госпитале, а так, считай, лёгкая контузия и травма головы, не должны надолго задержать, самая главная опасность – общение с психологом, ротный на него и намекал. Даст добро, буду служить, а нет, спишут вчистую. Ехали долго, хотя до Донецка вон, рукой подать, однако с ранеными

не погоняешь, колонна шла крайне медленно. Ни на каких украинских окруженцев не наускаивали, ехали тихо и мирно, пропуская встречные колонны. Так, ближе к трём утра двадцать пятого февраля и добрались. Водила разбудил меня, когда мы по улочкам катили. Всё же уснуть умудрился. Потирая глаза, чувствовал я себя приемлемо, самые острые моменты убрал, а тут пока спал – ещё поднакопилось, вот и пустил на лечение. Ещё пять полных источников и голова будет полностью излечена. Это часов на шестнадцать работы, чуть больше полсуток. Вот так поглядывал на тёмные многоэтажки вокруг, свет горел в редких окнах, фонари, реклама, но улицы пусты. Ночь, спят все. Да и комендантский час тут, как я слышал. Мы въехали через открытые ворота во двор госпиталя, и началась разгрузка. Кстати, когда мы подъезжали, со двора госпиталя как раз другая колонна выезжала, пришлось чуть подождать, как две последние машины покинут территорию. Там не только грузовики были, но и санитарные «уазики». Один грузовик к отдельно стоявшему зданию, там морг, туда наших погибших бойцов, потом хоронить будут с воинскими почестями. А нас подвезли к основному корпусу. Тут уже приняли прошлую партию раненых и начали принимать нас. Это действительно военный госпиталь был, но один он всех раненых не потянет, поэтому часть пострадавших в боевых действиях за первый день спецоперации отправляли и в обычные районные больницы по городу.

– Младший сержант Серов? Кто видел сержанта Серова?

Обернувшись, я увидел офицера, что опрашивал прибывших с нашей колонной.

– Это я.

Подняв руку, я привлёк внимание к себе.

– Отлично, ты, боец, мне и нужен.

Тот старался говорить громко, видимо думал, что после контузии я стал слабослышащим, но переубедить того, что это не так, не стал. Офицер оказался дежурным по нашей части, батальон воюет, но его пункт постоянной дислокации не опустел, офицер оттуда, я проверил документы. А прибыл по заявке медиков, что сообщили, кто из нашего батальона к ним поступает. Практика тут такая – забрать вещи раненых, оружие; за этим он и прибыл, как и ещё несколько офицеров и прапорщиков из других частей. У нас раненые аж из трёх подразделений были, и все три дислоцировались тут, в Донецке. Так что я сдал свой автомат, разгрузку, оружие старшины, автомат и пистолет лейтенанта Губарева забрал ротный, а вещи при себе оставил, но прапорщик, с которым я общался, осмотрел все вещи в трёх рюкзаках. Не зря, патроны и ручные гранаты нашли. Рюкзак Губарева он забрал, они сами вернут вещи супруге. А вот материальную помощь уже я, сверху приказ спустили, быстро они. Он уже узнал, что я адекватен, про потерю памяти я сам сообщил, мне сказал, что известно, когда будут похороны командира танка, я обещал присутствовать. Форма парадная Алексея хранилась в

казарме, её подготовят и принесут. Также попросил прапорщика передать особисту батальона, там и такой был, чтобы собрал сведения по мне, что сможет найти. Тяжко мне не помнить ничего о себе, ведь я в строй хотел вернуться, а тут хоть выжимку почитаю. Обещал передать.

Только после этого, почти полчаса прапорщик со мной общался, из нашего батальона одни мы со старшиной были, мной занялись медики. Оформили, документы я сдал, вещмешки старшины и свой в кладовку, оттуда выдадут что нужно, но завтра сам заберу, гигиенические принадлежности в основном, после этого раздели, помогли, не сам, форма серьёзно пропахла порохом, кровью и смертью, да, такой коктейль, но видно по молодым и не очень медсёстрам, что это им привычно, обещали всё постирать, форму под комбезом тоже, и грязное нательное бельё забрали, выдав чистый больничный халат. И после процедурная, где меня осмотрел сонный, сильно уставший врач, что завёл личную карту раненого, наложил две скобки на рану, осмотрел многочисленные синяки на теле, сам о них не знал, и уже сопроводили в палату. Тут уже старшина находился, к какому-то прибору подключённый. Я глянул Видением, он контролировал пульс и сердечную активность. Пойдёт, если что, поднимет медперсонал. Ночь же. Так что, умывшись в туалете, стараясь новый бинт не намочить, даже чуть плеснул на торс, санузел в палате на шестерых имелся, и занял последнюю свободную койку, почти мгновенно вырубившись. Сон в кабине

грузовика не особо помог, спать всё равно хотелось.

Рано утром нас разбудили на завтрак. В палате двое без сознания, двое ходячих, считая меня, и двое лежачих. Их начали кормить, старшина с другим бедолагой на внутривенном, а я со вторым раненым, что на перевязи держал раненую руку, направился в столовую. Каша манная, моя любимая, и сварена хорошо. Чаёк неплох, хлеб с кусочком масла и сыром. Мы поели, я было вернулся в палату, как прибыл особист батальона, в котором я числюсь. Он явно успел поспать, хотя красные от недосыпа глаза говорили сами за себя, что времени на сон выделил себе мало. В полевой форме, но без автомата и разгрузки, но и так понятно, что только недавно с передовой. Наверное, в машине и поспал, пока в город ехали. Вряд ли из-за меня, свои дела были, ну и привлекли по моему делу. Особист в выделенном нам кабинете заставил написать рапорт, сначала на черновике, потом на белом прописал всё, что помню с момента, как очнулся. Чёрт, я русский язык с трудом вспоминал, делал вид, что заикаюсь от контузии, чтобы акцент сбить, хотя за эти сутки я быстро осваивал родной когда-то язык, погружившись в языковую среду, однако письменность... было тяжело, но, к счастью, списали всё на ту же контузию и потерю памяти. Рапорт на беловке писал особист, я только подписался. Опросил меня, обещал сделать выжимку по моей прошлой жизни, как делает, принесёт, а сейчас всё на врачах, что они скажут. По-

сле этого, забрав рапорт и записи моего опроса, он отбыл. А мной занялся врач, особист и так задержал на полчаса, поэтому осмотрели, решив, что контузия лёгкая, да я следы почти убрал, только небольшая травма на лбу да потеря памяти, в связи с чем меня отправили к местному врачу по головам – до обеда уже он мной занимался, опрашивал, тесты проводил.

Потом был обед, и я наконец посетил кладовку, рыться в ранце не стал, упросил кладовщицу отдать мне его весь, знаю, что запрещено, можно иметь при себе только то, что умещается в тумбочке, сказал, вечером занесу. Выдала. Так вернулся в палату, где разложил часть вещей в тумбочке, как старшина очнётся и сможет соображать, и ему его вещи принесу, а пока без надобности. Самое главное, что я имел при себе, это телефон Алексея, не новый, но свежий айфон, с паролем, зарядку к нему и зарплатную карту. Сюда приходила зарплата военнослужащего. Старшина сказал, что половину зарплаты Лёха отдаёт в Фонд обороны, я менять ничего не буду. Да и особо не нужны мне эти деньги, и без них добуду средства. Без особых проблем. Пусть я не помню код к карте, но взломаю, для меня это не сложно. Хотя есть и второй путь – побывать в банке, с выпиской врача, и получить новую карту по замене, получив её с пин-кодом.

Это что касается вещей Лёхи, остальное – обычные вещи для бойца, интереса особо не представляли. Однако были и трофеи. Не всё я сдал, сохранил два новеньких айфона од-

ной модели, андроиды и небольшой планшет. Нашёл в карманах азовцев. Зарядок, ясное дело, нет, от моего телефона не подходит, я уже глянул, только к планшету, но поспрашиваю в других палатах, может что и найду. Я поставил на зарядку сначала телефон Лёхи, потом поставлю планшет, ну и разобрался с трофеями. Помимо вышеперечисленного я сохранил семь кредиток. С трёх тел семь было, пять Приватбанка, одна Райффайзенбанка и одна Кредобанка. Несмотря на защиту, с помощью этих кредиток я вполне смогу войти в системы этих банков и не только опустошить их счета, но и взять кредиты, в чём ничего плохого не видел. Мёртвые азовцы платить долги, конечно, не будут, но, если есть родственники, могут и на них повестить долги. Хотя к тому моменту Украины уже по сути не будет, как я понимаю, спишутся все долги.

Вот так пока телефон заряжался, там зарядка на нуле почти, а в палате четыре розетки было, это у планшета едва половина уровня, я работал с одним из трофейных айфонов, у него зарядка полная. Стоит отметить, что вся электроника у нацистов с паролями была, впрочем, у Лёхи тоже, но у него просто, отпечаток пальца и полный доступ, я уже проверил, однако меня это не смущало, взломаю. Вот так прибрав электронику в тумбочку, кредитки под матрас, я отнёс рюкзак обратно и вернул кладовщику, там мне больше ничего не нужно. На рюкзак уже бирка с именем нашита была, так что отнесли на полку, где моя форма и комбез со шлемофоном

лежали, уже постиранные, а я вернулся в палату. Там тихий час наступал, поэтому тратил время на медитации и исцеления себя, к вечеру всего дважды прошёлся. А я дважды во время тихого часа со старшиной поработал, все дремали, свидетелей не было, и воздействовал на него пси-лечением, хоть поправил ему немного повреждения. Он уже вечером открыл глаза. Медики сразу отреагировали на писк аппаратуры. Засуетились вокруг, изучая, что с ним. Старшина лупал глазами и никого не узнавал, но через полчаса уснул. Это был именно сон. Контузия некуда не делась, но острый кризис я убрал. Вместо двух месяцев он проведёт в больнице от силы месяц. Уже неплохо.

Что меня удивило, никто за мной так и не прибыл, похоже похороны лейтенанта перенесли на завтра, причин не знаю, врачи не в курсе, я как в информационном вакууме. Всё прояснилось, когда на зарядке сменил телефон на трофейный планшет. Пальцем провёл опознание и дальше, проверив номера, позвонил абоненту, отмеченному как «Особист». Странно, что он в памяти был вбит. Угадал, тот самый, что рано утром был. Он подтвердил, что похороны завтра утром, за мной пришлют машину и доставят форму, всё уже готовится. После четырёх часов дня меня снова вызвал врач, что меня курировал, он психолог, физические ранения лечил другой врач, и на два часа задержал, снова опросы и тесты. Что в результате получалось – не сообщал, а писал в личном деле. Задавал вопросы по бытовым делам, что

вспомнить смог. Заикался я всё меньше и меньше, осваивал язык. Кстати, амнезию мою подтвердил, но, когда я интересовался, вернут ли меня в строй, велел не спешить. Его явно заинтересовало, что со мной произошло.

После шести вечера мной уже никто не интересовался, так что я занимался своим теперь телефоном и трофеями. С перерывом на ужин. Триста лет жизни и использования пси-сил и пси-технологий дали мне многое. В общем, трофеи, это я про электронику, на удивление просты были, и при этом за чем-то усложнены. Видением изучал. Взломал я все четыре прибора меньше чем за полчаса, на самом деле это несложно, одной пси-силой пользовался, так что мне к памяти приборов был полный доступ. А там столько записей, видео пыток, чернухи, что просто ужас. Но я всё просмотрел, позволил особисту, и он прислал зама, сам офицер был уже на передовой.

Прибыл зам с ноутбуком, куда мы все записи и скинули. Вопросы по поводу трофеев не было, я раздавил экраны, и коммерческую ценность они теперь не имели, но факт того что ими теперь владею, всё же зафиксировали в рапорте. Бюрократы. Понятно, что для отчёта нужно, но всё равно. Среди тех, кого пытали на записях под глумливые крики нацистов, были и бойцы ДНР, одного офицер даже опознал. Умчался, а я продолжал делами заниматься. Экран Силовой Ковкой восстановил только у планшета и, воткнув в него симку с телефона Лёхи, чтобы местная связь и интер-

нет были, закопался во всемирной сети. Четыре сотни лет прошло, чёрт, да я почти русский язык забыл, повторяюсь, что про остальные говорить, но постепенно вспоминал. В общем, нашёл я Геннадия Бурова, не мой мир, однозначно. Тут с подставой от ФСБ также всё прошло, но сам Буров погиб на зоне. Несчастный случай, попал под грузовик. Три дня в госпитале пролежал и тихо помер. Похоронен на кладбище колонии. Родители у местного Геннадия тоже умерли, не пережили всех этих дел. Хм, и не отомщёнными остались, а я социальные странички жён виновных в этом офицеров нашёл. Будет возможность, сделаю – дело принципа. Не удержался и всё же нашёл социальную страничку своей жены в Бразилии, тут она тоже замужем, двое детей, вполне счастлива, судя по фотографиям. Сколько времени прошло, а всё равно ревность поднялась. Любил я её. Очень. И она меня. У нас очень дружная семья была, редко, когда характеры и души так совпадали, что чувствовали себя одним целым.

До полуночи я работал с планшетом и кредитными картами и дальше бы поработал, но другие раненные заворчали, что мешаю постукиванием, бывает такое ногтями по экрану, так что поставил планшет на зарядку и сам лёг спать. Да, я закончил с собой, все следы контузии убрал, так что остались рана и амнезия, ими врачи и занимались. Покой и только покой. Что по работе с кредитками, оказалось в Казахстане, в городе Алматы, имеется филиал украинского Приватбанка. Это я к чему. Все кредитки этого банка я взломал, да ещё взял

максимальные кредиты, получилось почти полтора миллиона гривен, или чуть больше пяти миллионов рублей. Это всё что смог выжать. С двух других банков, уже интереснее, тут наличка в долларах, видать держали личные накопления, заработанные на шантаже и ограблениях. Около двухсот тысяч евро. Долларов почему-то не было. Что я сделал с этими деньгами. Гривны конвертировал в рубли, это основные денежные знаки в ДНР, и перевёл на свой счёт в Сбербанке, код к карте уже получил, даже открыл онлайн-банк на телефоне, с привязкой к теперь моему счёту. Эти деньги пойдут вдове командира Лёхи, я считаю, так будет правильно. Кстати, узнал, сколько у Лёхи денег. Семнадцать тысяч на счету было. А вот евро направил в Казахстан и из одного банка перевёл в другой. Это был филиал Сбербанка в Казахстане. Там была возможность открытия анонимного счёта, кто знал код-ключ к счёту, мог им пользоваться. Вот на этот счёт и перевёл. Вполне всё успел. Ладно, сейчас спать, завтра много дел. Надо будет сходить с супругой погибшего командира в банк и перевести деньги со своего счёта на её, чтобы без процентов, кормить банк я не хотел. Это всё завтра, как и похороны.

Утром по старой схеме. Завтракали мы с парнишкой моих новых лет, он из тактической группы «Купол», ранен был осколком при артиллерийском обстреле ещё неделю назад, до начала спецоперации. Так вот мы сходили с Серёгой в сто-

ловую, а после возвращения я снова закопался в инете. С банками вчера закончил, всё что смог вытянул, остались уже чистые ограбления, пока я этого не делал, а забрал по сути всё, что было у трёх азовцев. Изучил ту волну, что шла в интернете по поводу проведения спецоперации. Чего только не было, вот и знакомился, погружался в среду. Старшина очнулся, его уже покормили, слух ему вернулся в левое ухо, второе пока нет, ну я и описал ему что было, так что он прикрыл глаза, сообщив таким образом, что принял. Головой не тряс, не кивал, ему предписан только покой, встать с кровати запретили. Я мехвода не обихаживал, после завтрака прибежала дочка деда Вито, она тут с мужем в Донецке проживала, ей только сегодня сообщили, что отца привезли. Матери уже позвонила, скоро должна подъехать, жил старшина в деревне за Донецком. Вот его семья им и занималась, а я работал в интернете. То, что мой счёт отслеживают и туда поступила крупная сумма, уверен, думаю, скоро узнают, как и то, что я недвижимость собираюсь приобрести. Не знаю, есть у Лёхи что, дед Вито сказал, что их пятиэтажка была почти полностью разрушена при обстреле, но иметь свой уголок, родной, куда смогу возвращаться, очень хотелось. У меня всегда такими уголками были космические корабли и суда, на которых я жил. Поэтому нашёл местного риелтора, девушка оказалась, вышел на ту, пришлось к окну коридора у лестницы прогуляться, и пообщался без свидетелей. Сообщив, что хочу купить квартиру. В центре Донецка, в свежем

доме, новостройке, однокомнатную квартиру, желательно не многогабаритную, с мебелью, под ключ, заезжай и живи. По цене там на месте решится. Девушка сообщила, что заедет в госпиталь, договор оформит, у той всё официально, вот я и дал свой адрес. Да, уточнил что из документов у меня только удостоверение военнослужащего. Как тут оформлять?

Вернулся в палату, и меня на процедуры, осмотрели синяки и рану, вместо бинта наложив пластырь, а потом мной и мозгоклюй занялся. Чёрт, если он продолжит выворачивать мне мозги такими темпами, я долго не выдержу и прибью его. Не сильно, ногу сломаю, пусть сам полежит на больничной койке. Бесит. Так что в палату я вернулся с гудящей головой. А в палате уже ждали двое. Риелтор и незнакомый сержант, из моего батальона, тот доставил парадку, обувь, всё что нужно, машина снаружи ждёт, а разрешение от лечащего врача уже получено. Сержант мило общался с девушкой, явно клеил ту. Попросив сержанта подождать, я отвёл девушку в зал для совещаний врачей, сейчас пуст, да, ключа не было, но телекинезом открыл замок. Тут всё быстро оформили, и я подписался. Насчёт удостоверения военнослужащего та успокоила, поскольку уже работала с военными ДНР и в курсе процедуры. Паспорт Лёхи находился в военкомате, она придёт с договором и просто возьмёт, естественно под подпись, как взяла, так и вернёт, и когда будет подобрана жилплощадь, оформит на паспорт, то и вернёт обратно. После этого она показала на телефоне две непло-

хие квартиры, что соответствовали моему критерию отбора. С телефона девушки осмотрел фотографии, она расстелила потрёпанную карту города на столе и показала на ней, где находятся обе квартиры и что имеется рядом. Фото вроде ничего, но смотреть лично надо. Договорились на вечер, за пару часов до начала комендантского часа за мной заедет.

После этого я вернулся в палату, и, облачившись в форму (сержант помог), пригладил, получил от волнующегося старшины, отчего тот сильно заикался, напутственные слова, с просьбой и от его имени проводить командира. Причём на выходе мне дали выписку из больничного листа, это для комендатуры. Пусть со мной сопровождающий, но иметь хоть такую справку я был обязан. Мало ли патруль остановит. Отлично, вечером справка пригодится, пока с риелтором буду встречаться. На улице ждал «уазик» в командирской версии. На территорию его не загоняли, пришлось до калитки идти, вот так устроился на заднем сиденье, и меня повезли сразу на похороны. Там пришлось в рядах сослуживцев час стоять. Форма лёгкая, бушлата не было, а подморозило, снег выпал, холодно. Грел себя пси-силой. Я не участвовал в доставке тела погибшего. Помимо моего командира тут хоронили ещё семь погибших военнослужащих. Пока мы стояли, особист шептал мне на ухо, кто тут и что. Кстати, заодно описал всё по Лёхе, на бумаге приносить не стал, что успел выяснить, сообщил. Не зря квартиру беру, жилплощади у Лёхи не имелось. Да он вообще гол как сокол. Дорогая покупка

– это телефон, недавно кредит закончил выплачивать. Тут поднялось чуть волнение, машина прибыла, ну и дальше сами похороны, с почётным караулом.

Описывать их не буду, мне слова, как командиру батальона и другим сослуживцам, не дали, видать не рискнули контуженому такое доверить, но комья земли бросил на гроб за себя и за старшину, о чём известил вслух. После этого я также подошёл к вдове, сказал слова утешения и попросил минутку поговорить лично, с глазу на глаз. Пришлось подождать в стороне, пока пройдут со словами утешения другие, после чего девушка подошла, баюкая дочку на руках. Сама молодая вдова, а ей лет двадцать на вид, с припухшими красными веками, явно уставшая, не спала в последнее время, вопросительно поглядела на меня. Особист уже передал деньги, пора передавать кому нужно, но, когда девушка подходила, я посмотрел на комбата и особиста, они поглядывали на нас, и я движением головы пригласил присутствовать. Сейчас будет серьёзный разговор, и они должны слышать о чём. Похороны закончились, военнослужащие уже отбывали, могила накрыта множеством венков и цветов, можно спокойно поговорить, что и сделал. Подошли офицеры батальона и вдова, одновременно.

– Извините, если я сделаю что-то не так, поэтому поясню. Я был контужен, потерял память, не помню своего командира, не помню вас, если мы раньше были знакомы. Никого, так, фрагменты. От имени офицеров батальона, как и дру-

гих военнослужащих, прошу принять эту материальную помощь, тут почти двести тысяч рублей. Всё что собрали ребята.

– Спасибо, – принимая довольно плотный конверт, сказала девушка.

Она не убирала его, держала в руках, придерживая дочку, что спала.

– Это не всё, – остановил я присутствующих, а говорил только девушке, комбат и особист тут в роли слушателей были. – После потери памяти, многое во мне изменилось. Например, в батальоне сбор личных трофеев считаются мародёрством, для меня же это право священного трофея. К чужим трупам я сам не подойду, это действительно мародёрство, а, например, если подобью танк, или уничтожу противника, всё что с них делится на весь экипаж, и доля уходит командиру. Для меня это закон, но в народной милиции ДНР такого правила не придерживаются. Когда ваш муж погиб, я убил трёх азовцев из автомата, но все трофеи мне пришлось сдать, оставил только электронику, телефоны, планшет и кредитные карточки. Пока лежал в госпитале, я открыл телефоны, нашёл там информацию по кредиткам, с кодами к ним, вышел на сайт банка Украины и снял все деньги, что лежали на кредитках, да ещё от имени нацистов взял максимальные кредиты, сумма получилась небольшой, полтора миллиона гривен, я погонял их по банкам и конвертировал в рубли. Получилось пять миллионов двести тысяч

рублей. Как я это сделал и умел ли раньше, не спрашивайте, я не знаю. Сейчас эти деньги на моём счету в Сбербанке, и я считаю правильным отдать их вам. Это мои личные трофеи, и распоряжаться могу ими так, как захочу. Я желаю передать вам. Я не помню командира, но считаю, что поступаю правильно. Тут я могу перевести деньги вам на счёт, но тогда будет существенная потеря в процентах по переводу, а банку платить я не хочу. Можно посетить офис банка и перевести деньги без процента, но не знаю, как это сделать, документов у меня на руках нет. Тут решать вам.

Девушка кивнула и, смахивая слёзы, сказала, что принимает мою помощь, но тут вмешался комбат:

– Проблем быть не должно, у многих военнослужащих зарплатные карты оформлены на удостоверения. Можно забрать ваше из госпиталя и посетить ближайший филиал банка. Марченко вам поможет. Проследит.

Особист молча кивнул, когда о нём сказали. Вообще, оба офицера, когда я начал свою речь, играли скулами, явно что-то не понравилось в моих словах, но слушали с интересом. У особиста взлетели брови на лоб, когда он услышал, как я нациков ограбил, видимо за Лёхой такого не замечалось, но ни звука не проронили, дослушали до конца. Девушка направилась к матери, чтобы передать дочь, мы решили не медлить и деньги перевести как можно быстрее. Комбат, глядя ей вслед, спросил:

– Это всё, или есть ещё что сказать, сержант?

– Есть, товарищ полковник. С нациков я ещё поимел чуть больше двухсот тысяч евро. Хочу дать взятку. Я передаю деньги на счёт батальона или в Фонд обороны, не важно, а вы договариваетесь с врачами, чтобы вернули меня в строй, и как можно быстрее, такие дела делаются, и без меня. Обидно. Это ещё не всё. Я психически стабилен, так психолог сказал, но и, как каждому социальному существу, мне нужен маяк, точка опоры. Это может быть семья, но я сирота, или дом, место проживания. Я решил купить себе квартиру, тем более жилплощади, как сообщил товарищ капитан, не имею. Риелтора уже нанял. Я мог всё втихую провести, но об этом всё равно узнают, проблемы будут, зачем мне это? Проще вам сообщить и хотя бы такой поддержкой заручиться. Вечером в планах осмотреть пару квартир. Вот так и получается, ровно двести тысяч отдаю республике, а что сверху на квартиру и дроны.

– Какие дроны? – заинтересовался комбат.

– Да, я парочку квадрокоптеров хочу купить, что лучше, километров на шесть или десять работают. Всё введём в штат батальона. По деньгам, на квартиру хватит и на три-четыре коптера. Думал машину брать, но зачем она мне сейчас? После войны куплю. Трофеи ещё будут. Всё честно, я так решил, десять процентов себе оставляю, остальное республике. Так оно справедливо будет, ей нужнее. Ещё добавлю. Я могу украсть из банков деньги. Европейские. Миллиард с их правительственных счетов увести, десять или сто, да

пофиг сколько. Погонять по банкам и оставить на нескольких счетах. Сделаю так, что их не отследят. Будет финансовой подушкой для республики. Как сделаю, пока не знаю, но могу. Пароли к счетам передам главе республики. Дотации от России, конечно, есть, но их точно не хватит, чтобы восстановить порушенное на освобождённых территориях, а налоги тут не спасут. Это финансовая яма. Европейцы и штатовцы науськивают на нас нацистов, вот пусть финансово и возместят. Если скажут, я сделаю. Говорю только вам, кому передать, сами решите. Если нет, так нет.

– Потом поговорим, – успел сказать комбат, когда подошла Нина. Вроде так её зовут, слышал пару раз.

Комбат ушёл, а мы на том же «уазике», что меня доставил на кладбище, скатались к госпиталю. Особист один машину покинул, сбегал и вернулся с моим удостоверением. Филиал Сбербанка был тут же за углом, и там, отстояв небольшую очередь, за десять минут вопрос решили, деньги ушли на счёт Нины, у меня остались всё же семнадцать тысяч, что были ранее. Я, кстати, снял в банкомате пять тысяч, а то налички не было. А после того, как мы отвезли Нину домой и катили к госпиталю, особист сообщил, что она живёт на служебной квартире, своей жилплощади не имеет, её мать с ними живёт, они с мужем вообще из Славянска, а тут может приобрести квартиру, так что поблагодарил за это моё решение. От себя. А до прибытия в госпиталь мы только раз остановились у магазинов. В магазине электроники я купил нуж-

ную зарядку для трюфеев, а в соседнем – бритвенные принадлежности, безопасную бритву и баллон с пенкой. Ничего подобного у Лёхи не было, а пушок уже заметен, бриться нужно. Дальше особист сдал в архив моё удостоверение, и в кабинете заведующего нашим отделением я под его присмотром отправил все деньги на свой счёт в Сбербанк, конвертировав евро в рубли. Двадцать два миллиона ушло со счёта на счёт Фонда обороны. Его номер был приписан у меня в онлайн-банке, так что подтвердили там поступление средств. Осталось семь миллионов. Это то, что сверху.

Дальше особист, советуясь с артиллеристами, он с ними на прямой связи по телефону был, через меня приобрёл три коптера, два одной модели и третий другой. Дорогие, за четыре сотни тысяч каждый, но и машинки серьёзные. Могут быть использованы сорок шесть минут, радиус дальности тридцать километров. Почему экспертами именно артиллеристы стали, я выяснил тут же. Оказалось, у батальона своя батарея гаубиц была, свой коптер имелся, тоже мощный, но они его потеряли, сбили, а замена заметно слабее, что сказалось на точности ведения огня. В общем, парочка им и уйдёт, основной и на замену, ну и третий найдут куда пристроить, а мне обещали отдать что попроще. На пару километров работает. Ну-ну, обещанного три года ждут. Однако уплатил, место доставки указал КПП нашей части, особист сфотографировал платёжные скриншоты. Доставка из России будет, за три дня обещали доставить. Из Ростова вроде прибудут.

Особисту я слил информацию, что на одном из айфонов была программка по взлому кредитных карт, а то уж больно с подозрением на меня поглядывал, так что он его изъяс официально, не я один кредитки у нациков находил, и отбыл. Уф, тяжело было. Обед я уже пропустил, так что на экзекуцию к мозголому отправили, потом ужин, и сразу покинул госпиталь, разрешение на руках у меня было, в парадной форме, мне её оставили.

Мы посетили на красной «Калине» риелтора сначала одну квартиру, потом вторую и третью. Та ещё одну нашла. Ключи от двух у неё были, а у третьей хозяин имелся. В принципе, мне первая сразу понравилась, две другие можно и не смотреть было, да и цена подходит. Однако прокатился и убедился, что та первая действительно идеально мой вариант, девушка знала, с чего начинать. Новая многоэтажка, двадцать четыре этажа. Правда, квартира на четвёртом, но имела стеклянную панорамную лоджию с видом на проспект и парк, дому четыре года, пятьдесят два квадратных метра, лоджия сюда не входила, и по сути была евродушкой – большая кухня, тут же гостиная, ну и спальня. Совмещённый санузел. Всё сделано, сплит-системы, мебель вся, телевизоры на стенах компьютерный стол без компа, заезжай и живи. Ремонт свежий, видать квартирантов не пускали. Цена чуть завышена, но не страшно. Некоторые проблемы с оформлением имели место быть. Хозяева, супружеская пара с ребёнком, новую квартиру купили, а эту продавали, нужно выписать ре-

бёнка, но это дела риелтора. Мы вернулись в первую квартиру, я ещё раз всё осмотрел, с соседями пообщался, только один был на площадке, а квартир десять на этаже, ну и дал добро, пусть забирает мой паспорт из военкомата и начинает оформление, как будет готово, получают оплату, и всё дальше, с моей пропиской, всё как полагается. Эта дополнительная работа для девушки и будет оплачена отдельно, я сообщил об этом. Она умчалась работать, а я пешком от дома вернулся к госпиталю. Тут пять минут идти. Правда, патрулю попался, комендантский час уже наступил, но проверили и отпустили. Вошли в положение.

Честно сказать, устал. Сдал форму, мне халат вернули, и в палате познакомился с супругой деда Вито, она только сейчас прибыла. Дочки не было, мать сменила её, ну а я лёг на койку. Нужно отдохнуть, а там как-то всё перешло в сон, только использовал всё, что накопил на своё лечение, голову ранее долечил, сейчас начал убирать всё то, что на теле было, детские травмы, последствия жизни на Земле, организм отравлен, и тому подобное, но вот сморило.

Утром, после завтрака, я побрился в туалете, даже не порезался, и после процедур снова к мозгоному. Он продолжал изучать меня. Правда, подтвердил, что моё командование на него вышло, так что прохожу я медкомиссию.

А после обеда за мной заехала риелтор, я снова в парадке был, обычный камуфляж, такая цифра в российской армии в

ходу, все положенные нашивки, кепи на голове, ремнём опоясан, нормально выгляжу, и поехали оформлять. Познакомился с владельцем квартиры, он один был, от жены доверенность на продажу. Сначала решили вопрос по деньгам, в банке всё провели, расписку я получил, и заехали в нужное госучреждение, где за час и провели оформление. Больше я не нужен, риелтор дальше сама. Только документы получу в госструктуре по паспорту, когда оформят. Так и вернулся в госпиталь, ключи от квартиры я уже получил, как и выписку из службы регистрации недвижимости. Замки менять не буду, поработаю Силовой Ковкой и сменю ключи, плёвая работа, так что доступ будет только у меня. Вечером, за час до комендантского часа, прогулялся и сделал, успев вернуться назад. А то всего два комплекта ключей. Где остальное? Кстати, забыл сказать, что с квартирой в комплекте шла кладовка на нулевом этаже. Её отдельно оформляли, не с квартирой шла. Небольшая, но два велосипеда встанут, кои тут раньше и стояли, по следам протектора на полу понял. Три с половиной квадратных метра та размером была. Можно скутер закатить или небольшой байк, в проём пройдут. Тут тоже сменил замки и ключи Силовой Ковкой.

Дальше шло лечение, командование про меня вспоминало редко. После похорон пять дней прошло, прямо в палате торжественно нас со старшиной наградили. Мне дали звание сержанта и орден «За воинскую доблесть» первой степени. Довольно серьёзная награда за воинские дела. Старши-

не такой же орден, но второй степени, это третья награда у того. Две медали имел, это первый орден. Награждал глава республики. Кстати, меня поблагодарил за спонсорскую помощь, обещал направить финансы на восстановление освобождённых территорий. Знает, значит, но про ограбление банков даже не намекнул. Значит – нет. Этого и стоило ожидать. Кроме нас ещё шестерых в госпитале обошёл. Говоря, что командиры батальона редко про меня вспоминали, я имею в виду, что вызывали всего два раза. А проверяли, всё же потеря памяти диагностирована. Сначала по оружию, сдачи физнормативов не было, я не сдавал эти нормативы, ранение освободило от этого. Однако автомат разбирали и соби- рали, отстрелялся в тире, под казармой. Во второй раз отвезли к ремонтным боксам, из боевых машин тут были только те, что проходили восстановление, трофеи, да наши подбитые, всё остальное на передовой, вот и сдавал молодому лейтенанту, тот только из училища, ускоренный выпуск, летом должны были погоны получить. Оно местное, Донецкое высшее командное общевойсковое училище. Тот вышел из стен учебного заведения как командир танкового взвода. Так вот, сдавал и на Т-72, и на Т-64, сидел на местах мехвода, наводчика-оператора и командира. Везде по высшему баллу сдал, что тот зафиксировал. А как же? Если и тут всё забыл? Прошедший бой не показатель. Тогда в мотострелковую роту отправили бы, а так танкисты в ДНР ценились, тем более с опытом, теперь меня точно никто в пехоту не переведёт.

Успокоили.

Это по основной деятельности, теперь по мне. На следующий день после покупки квартиры я сообщил своему врачу, что не хочу занимать койку, раненые так и пребывают, вон койки уже даже в коридоре скоро ставить начнут. Где жить – мне есть, буду приходить и лечиться. Тот дал добро, как и психолог, так что я получил свои вещи и перебрался на квартиру, а моё место занял мотострелок нашего батальона, без ноги, травматическая ампутация. Это его из АГС накрыли во время перебежки.

Что я ещё могу сказать? В квартире обжился, починил что нашёл пси-силой, руки прикладывал, да и Дар качал, тот всё же снизился до «Д-8», я повторно провёл процедуру увеличения Видения, теперь тридцать три метра. А через три дня и в третий раз, стало сорок восемь метров. Хватит, а то «Д-6» уже. Деньги были, риелтору я заплатил, всё как полагается, а когда получил документы, – всё, квартира моя, я проверил, в реестре информация тоже появилась, та провела мою прописку, в паспорте появился штамп, да и в коммунальных организациях сменила собственника на меня, за это всё я отдельно оплатил, та особо подобным не занималась, а мне откровенно лень было ходить по организациям. Однако договор на меня перезаключен, порядок. После этого девушка сдала паспорт в военкомат, я проверил, действительно вернула.

Вообще у нас дошло до постели. А что, парень я моло-

дой, постоянно женщин хотелось, и привычки отказывать себе в этом не имел. В госпитале не подкатишь, да и девушки там, что в моём вкусе, неприступные или такие, что подойти можно, только держа в руках свадебные кольца. Портить им жизнь я не хотел. А тут риелтор расстроенная встрети­лась на улице, с парнем поссорились, они вместе живут, ну и как-то закончилось всё в постели моей квартиры. Утешил. Четыре захода на простынях новенького постельного набора, купленного мной. Я три набора взял. Та орала так, не сдерживая себя, что сосед в стенку застучал, странно, что не вызвал ментов, да и знал, что я воен­нослужащий. Пси­сила на эрогенные зоны это сильно, после третьего оргазма ту просто вырубил, пришлось ждать, как в себя придёт, и продолжать, так что и в четвёртый раз она было доведена мной до кондиции. После этого девушка стала ласковой-ласковой, всё быстро делала, хотя деньги за работу брала, однако и посещала меня по часу каждый день, утром и вечером. Второй любовницей стала продавщица овощного магазина, тридцатилетняя справная миловидная женщина с крупными грудями и отличной фигурой. Вдова. Муж при обстреле два года назад погиб. Та вешала на дверь табличку «Переучёт», и мы в подсобке на мешках с рисом и развлекались. Эту тоже на секс с пси-силой подсадил. А сговорились легко, зашёл овощей прикупить, хотел картошки пожарить с луком, банку огурцов уже купил, ну и разговорились, та пожаловалось на бабью долю, ну я и предложил решить вопрос. Мы одни

были, она быстро дверь заперла, и дальше подсобка. Так я и посещал её каждый день. Она у меня первой была, риелтор второй пошла.

Вот такие дела. Я доволен, жить можно, пусть риелтор с парнем помирилась, но посещать меня каждый день и не думала прекращать. Как она сказала – я же не дура. В последние дни утром заезжала и в полдень. А вот продавщицу в магазине посещал вечером на момент закрытия магазина. С ней только и только в подсобке, это риелтор у меня на квартире чувствовала себя как дома. Мы с ней и в постели, и в душе, и на стиральной машине. Да все ровные и неровные поверхности использовали. Оторвалась девчонка. Про любовниц моих в спецслужбах знали, то, что слежка имела место быть, я видел, ну и пусть смотрят. Три коптера в батальон прибыли, их уже направили в нужные части, однако я заказал себе отдельно, пусть попроще, на шесть километров работает по дальности, но нужен. Время полёта тридцать минут. Однако камера отличная, с хорошим разрешением. Тот пробил брешь в моих запасах средств, всё, что как НЗ отложил, ушло. На счету сорок тысяч. Я оформил автоплатёж, чтобы коммуналка оплачивалась, и всё на этом. Заказ прибыл по адресу квартиры, успел, убрал в кладовку пока. В форме я ходил редко, хотя переделал всю по новому званию, пришил наградную колодку. На парадке сама награда. Купил я гражданскую, а там один комплект, синие джинсы, тёплая клетчатая рубаха и лёгкая куртка. Ещё зимнюю пуховую купил.

Тут юга, довольно тепло, хотя и март месяц наступил. Вот так и получается, что седьмого марта я закончил с квартирой, паспорт мой вернули в военкомат, а ближе к обеду восьмого марта покинул госпиталь со справкой на руках. Медкомиссию прошёл. Скобки уже сняли, багровый шрам на брови, контузию не видят, заикаться прекратил, только акцент остался, его пока никак не убрать, а так порядок. Служи, парень. Так что быстро в кадровый отдел батальона, а там меня взяли под ручки, фигурально выражаясь, и срочно в строй. В реммастерских два танка восстановили, Т-72, оба шли на пополнение роты, где служил Алексей. Выходят сегодня. Причём на замену моего погибшего взводного поставили того молодого лейтенанта. Кажется, Малинин его фамилия. Кстати, забавно, дед Вито меня сбил, назвав Губарева лейтенантом. Нет, тот подпоручик. Такие звания были в Народной милиции ДНР. Вот и Малинин подпоручик.

Меня срочно погнали по кладовщикам. Кадровики оформили меня командиром второго танка, первый Малинин принимал. Причина банальна, у экипажа только командира не было, вот комбат и посчитал, что я справлюсь, а на месте видно будет. Мне выдали автомат из оружейки, разгрузку, внесли в удостоверение пистолет, выдали его как командир бронемашины, обычный «макаров», пятьдесят патронов запаса, полцинка патронов к автомату. На всё про всё ушел час, и я со всеми вещами на дежурном «уазике» рванул сначала на квартиру, там оставил парадную форму, переоделся

в полевую, комбез сверху, шлемофон пока не надевал, кепи на голове. Коптер забрал из кладовки и, вернувшись, так и покатил к мастерским. В дороге обзвонил своих любовниц и сообщил, что отбываю на передовую. Ну, продавщица более спокойно восприняла это, пожелала удачи, а риелтор всплакнула. Она вообще намекала, что готова уйти от своего парня, пусть они и помирились, и перебраться ко мне, но я сделал вид, что не понял намёка. Та молода и свежа, приятно с ней время проводить, но и только. Девушка банально не в моём вкусе была. Мы оба были довольны нашим кратковременным романом, но и только. Тем более та беременной была, я обнаружил это только на третью нашу встречу, ранее подобное не диагностировалось, и ребёнок точно не мой. Я отключил временно возможность иметь детей.

Водила высадил меня у въезда и поехал обратно, а я со всеми вещами пройдя проверку в воротах, попал на территорию, предписание принять танк у меня было. И вот так найдя взводного, тот уже принял обе машины у ремонтников, они стояли за боксами на стоянке, и теперь передавал мне второй танк и знакомил с экипажем. А это оказался тот самый Т-72, коему я в ствол снаряд всадил, повредив его. Ствол поменяли. Тут же в мастерских, как я знал, восстанавливали танк, где и погиб Лёха со своим командиром, но тот ещё в ремонте.

Вещи свои я на корму танка закинул, потом размещу, познакомился с экипажем, все молодые парни. Оператор-на-

водчик двадцати трёх лет. Звали Андреем Прониным, рядовой. Ну и мехвод, младший сержант Воронин, Игорь, ему было двадцать один год. Машину я принял за десять минут, хотя Видение и так показало, в каком та состоянии, в среднем, но ничего, Силовой Ковкой в порядок приведу. Дальше подогнали грузовик и началась погрузка боезапаса, а когда закончили, я и пулемёт командирский снарядил, заправка штатно прошла, пообщался со взводным. Тот не воевал, молодой парень двадцати лет, боевого опыта не имеет, сообщил мне, что колонна пойдёт к передовой, мы с ними двинем. Час времени есть, место встречи назначено. Я же описал, как сам воевал, да тот в принципе знал, ну и сообщил, что убрал в танк кофр с коптером. «Глаза» в небе у нас будут, и это его порадовало. Тут тот подал сигнал, экипажи устроились в танках и, порывивая моторами машины, поползли на маленькой скорости к воротам. Не к тем, что въездные, а с другой стороны, там грунтовка, гусеницами убьют, разровняют скрепером, не жалко. Вот так покачиваясь, обе бронемашины двигались по просёлочной дороге к месту встречи. Всё, что нужно как командиру, я получил, даже суточный паёк, а вот с коптером меня обломали. Не выдали. Квартиру я запер и провёл консервацию, перекрыв всё. Плюс, когда освобождал холодильник, отключив его, то прихватил два кило солёного сала, на рынке купил, да четыре буханки хлеба купил в мини-пекарне на первом этаже моего дома, там же в соседнем магазине чеснока и луку. Есть чем закусить. Моя

машина шла второй, сам я, сидя в люке командира, рядом зенитный «Утёс» снаряжён, только затвор взвести, и, подняв коптер в небо, а батареи заряжены, на ходу учился использовать его. Да там всё просто. Я уже изучил оборудование и прикинул, как его Силовой Ковкой усилить и модернизировать. Тот у меня на сто километров свободно работать будет. Да и высота использования повысится, не рассмотреть будет с земли, защиту наложу, чтобы системы РЛС не засекали. А они могут и такую мелочь «увидеть». Главное, чтобы время было для таких модернизаций.

Добрались нормально и встали на перекрёстке. Колонна уже минут через десять появилась, восемь грузовиков и старый БРДМ, и вот так возглавив её, на пятидесяти километрах в час мы двинулись в сторону передовой. Времени было четыре часа дня, вторник, восьмое марта. А любовниц своих поздравить я успел, даже подарки утром вручил обеим, перед посещением госпиталя. А тут ещё такой «подарок», меня отлучили от них, что обеих явно не порадовало. Ладно, это уже всё прошло, была возможность, отвёл душу, а я привык иметь рядом женский пол, так что нормально всё. Тех, кто за мной следил, такое моё поведение не удивило, как оказалось, Лёха был ещё тот ходок, за это и влетало ему постоянно. За неразборчивость.

Что я ещё скажу? Жаль, со старшиной не попрощался, сборы как-то быстро прошли, тот уже вставал, сам ходил, пусть и по стеночке, но пока соблюдал постельный режим.

Зайти не смог, но позвонить на телефон вполне успел, объяснил ситуацию, извинился, ну и получил напутственный инструктаж. То, что я командиром танка стал, тот теперь в курсе. А так я подключён к рации, слушал волну, на которой взводный был, также внутренняя связь включена, отслеживал окрестности. Наводчик на своём месте, только мой люк открыт, и я наверху сижу. В грузовиках в основном обеспечение, патроны, припасы, но в трёх грузовиках везли резервистов. Да, была проведена принудительная мобилизация, как её называли в Киеве, но там говорились о том, что резервисты – это мясо, что пустят вперёд, мол, они уже воюют. Да ничуть, большая часть резервистов не служили и сейчас проходят курсы молодого бойца. У них месяц на это, плотной учёбы, а в грузовиках сидели те, кто отслужил. Сбили два взвода и везли к передовой. Однако в боевых действиях участвовать они не будут. Задача резервистов – это второй эшелон, они будут окончательно зачищать освобождённые сёла и деревни, брать под контроль, комендантские обязанности на них, ну и ловить диверсантов в нашем тылу, чистить его. Вот это все их задачи, а воюет основной корпус ДНР, в котором служба добровольная. Такие порядки и с началом спецоперации не менялись. Пока.

Я покосился на перекрёсток, который мы пересекали, там две женщины стояли и крестили нас, я кинул руку к виску, отдавая им честь, а малец снимал нас на телефон. Вот, кстати, пришлось должностные обязанности изучать и расписы-

ваться, что инструктаж со мной проведён. Если проще, телефонами пользоваться нельзя, я должен следить за собой и обоими своими подчинёнными. Записи делают и ведут съёмку только военные корреспонденты, у которых есть на это официальное разрешение. Нам записывать и выкладывать в сеть категорически запрещено. Такой же запрет и в Российской армии, насколько я знаю. Потому телефон Лёхи я и нашёл в его ранце выключенным. Как я понял, в основном тот слушал музыку, наушники шли в комплекте. Они и сейчас при мне, только сборник музыки я сменил на тот, что мне нравится, на португальском и испанских языках. Родной язык я вспомнил, подучился и письменность освоил до приемлемого уровня, а вот испанский и португальский мне не родные, с ними сложнее, по сути учить придётся заново. Надеюсь, знакомые в прошлом музыка и песни для начала помогут. Английский я раньше тоже знал, песни и на английском были. Ничего, время есть – освою. Пока все пси-силы тратил на лечение своего тела, доводил до идеала, но чуть позже и бронемашинной займусь, в принципе состояние приемлемо, я просто прикидывал, что и как улучшать. На танках нанесены все положенные маркировки, свежей краской буквы «Z», повоюем. На сегодняшний день всё, что по зоне боевых действий было, узнал от экспертов в интернете. Сегодня с утра объявлены гуманитарные коридоры, боевые действия редко где ведутся, укропы, пользуясь этим, перегруппировываются, наши тоже не лохи и поступают также. Что по

коридорам, это касалось Киева, Харькова, Сум, Мариуполя и Чернигова, только на Донбассе продолжают вестись активные боевые действия. Изюм почти взят, но какое-то сопротивление там ещё встречается, поэтому официально о взятии города не сообщалось. Порадовали соседи, бойцы ЛНР прорвали передовую и вышли в тыл обороне города Рубежное. Шли на Лисичанск. Также отметились у Попасной, которую тоже взяли. Это очень серьёзные результаты. Наши войска за утро, до объявления тишины и гуманитарного коридора, что должны закончиться сегодня в 18:00, хорошо так почистили окраины Мариуполя. Это пока всё.

Таких женщин стоит уважать, потому и отдал им честь, приветствуя их, пока проезжали мимо. На таких женщинах всё и держится. Уважаю. Мы катили дальше, без остановок, да и чего тут, час в пути всего. Я трижды запускал дрон, по десять минут каждый раз, причём пси-силой потом заряжая его батареи, потому как в танке нет возможности подключить зарядное устройство. Мехвод уже изучил его и обещал позже сделать врезку, будет возможность подключаться. Сам я поднимал дрон метров на триста, изучая, что впереди нас, позади и, главное, по сторонам. Два раза ничего, хотя и засекал движение, но ничего подозрительного, а тут заметил, как по одному неизвестные пересекают лесную дорогу. Не группой, а перебежками, в одиночку, и продолжали перебегать, причём при оружии, в форме и касках.

– Колонна, стой! – прижав ларингофон к горлу, сообщил я

по общей сети колонны и своему экипажу приказал: – К бою!

– Алмаз, что там? – поинтересовался взводный.

Кстати, вот он позывного не имел, а не заслужил, в боях не бывал, обращаться к нему предполагалось по должности или званию. А заработает радиопозывной, будем по нему общаться.

– Диверсанты. Справа в километре ельник, густой, там они пересекают лесную дорогу. Шестерых пока видел, у двоих ручные гранатомёты. Не наши образцы. Диверсанты, похоже. Я дрон туда перегоняю, через пару минут смогу корректировать огонь, а дальше резервистам работа. В принципе, как раз для этого они и предназначены.

– Добро.

Командир резервистов уже высаживал солдат, грузовики спускались на противоположную обочину, вниз, чтобы не пострадали, танки развернули передом к противнику, фугасы в стволы уже подали, а грузовики обеспечения покатали дальше, ускоряясь, под охраной бронетранспортёра, им тут делать нечего. Наводчик приказ мой выполнил, пушка фугасом заряжена, вот по общей сети я и сообщил:

– Трое вышли на опушку, ползут по-пластунски вернее, видимо заинтересовало, что мы тут делаем. Они в двадцати метрах слева от той ели со сгоревшей верхушкой. Остальные метрах в ста в глубине ельника. Накрыть тоже сможем, осколочно-фугасными.

– Огонь, – скомандовал взводный, и почти синхронно

пушки обоих танков ударили, вскоре на том месте, где я и сказал, встали два разрыва.

Можно и одним было, вторым по основной группе. Ладно, сейчас по ней. Я начал наводить, три залпа, немало елей повалили, были раненые и убитые среди нациков, но большая часть ушла, в лесу всё же осколочными бить сложно, тут миномёты нужны. Мы было хотели двинуть к ельнику, но взводный приказал оставить тут резервистов, дальше сами, им помощь вышла из Донецка, а нам велел двигаться к месту боевой службы. Так что в общей массе выпустив по четыре снаряда, оба наших танка двинулись дальше, а резервисты, выстраиваясь в цепь, направились к ельнику. То, что я засёк тринадцать диверсантов и подтвердил уничтожение пяти, они знали. Чуть позже нас нагнал дрон, я поймал его правой рукой, остановил моторы, ну и убрал в кофр, по пути зарядив пси-силой. А двигались мы, похоже, к Волновахе, уже взятой нашими. Два часа прошло с того момента, как встретились с колонной в пригороде Донецка, и вот мы на передовой. Как тут всё близко, то-то Донецк часто под обстрелом даже ствольной артиллерии.

Мы уже пересекли старую зону разграничения, где до двадцать четвёртого февраля стояли наши войска и укропы. Разбитые позиции, но на удивление целый пропускной пограничный пункт. Тут были бетонные блоки, однако их оттащили в сторону, не пришлось двигаться «змейкой». Встречные автоколонны часто попадались, некоторые двигались

медленно, раненых везли, были автобусы с беженцами, вывозили население населённых пунктов, что попадали под обстрел артиллерии ВСУ. Некоторые ехали на своих машинах, у кое-кого они были побиты осколками, разбитые окна, даже без лобовых стёкол. Нас со старшиной вывозили с передовой в госпиталь именно по этой трассе, многое знакомое, а у меня хорошая память. Видна сгоревшая украинская техника на обочинах, подбитую уже уволокли, что на ремонт, что в качестве доноров запчастей. Однако и сгоревшую тоже похоже эвакуировали, на металл, на заводы Донецка. Мы проезжали поворот, я точно помню, при эвакуации, когда мы там проезжали, торчала корма сгоревшей БМП, а сейчас там пусто, только следы гусениц на земле. Значит, эвакуировали.

Когда мы пересекли бывшую зону разграничения, я снова поднял коптер в небо, да и взводный напомнил, в четвёртый раз поднял, отслеживая всё вокруг. До наступления темноты оставалось часа полтора, за шесть уже перешло. Кстати, есть хотелось. Я как-то со сборами обед пропустил. Надо бы бутерброды сделать, но мы уже практически приехали. Да, тот блокпост, где мы танк позаимствовали и потом на нём бой вели, проехали. Сейчас тот пустой, всё, что ценным посчитали, наши вывезли и бросили его. После войны разберут, такое украшение тут никому не нужно.

Село, где проходил тот мой бой, мы проехали с ходу, оно справа мелькнуло, не заезжали. Коптер я не опускал, время полёта ещё не закончилось, так что можно держать, и кое-что

интересное я усмотрел. Ушки шлемофона застёгнуты были, пальцами прижимать не нужно, поэтому связался со взводным:

– Командир, притормози, пообщаться нужно. Заодно до ветру сбегает.

– Хорошо.

– Товарищ мехвод, – переключился я на своего сержанта, – сворачивай на обочину, остановка на пять минут.

– Есть.

Мы, сбрасывая скорость, встали метрах в двадцати от танка лейтенанта, так что мехводы заглушили движки, пока парни бегали на обочину, некоторым действительно неважно уже терпеть было. Да я и сам за кормой отлил, под шум проходящей мимо колонны из шести грузовиков и двух «уазиков». То, что коптер в небе патрулировал и пульт висел на ремне на боку, мне не мешало. Тут и Малинин подошёл:

– Что у тебя?

– Наши тут быстро проскочили, видимо особо прочёсывание местности не делали, там в леске БРДМ брошенная стоит, нациков. По эмблемам – «Азова». Вроде свежая, правда люки закрыты, но ключ имеется. Предлагаю забрать. На наших танках особо не покатаешься, если надо будет куда рвануть, лёгкая броня под рукой будет.

– Так отберут же? Дадут нам его использовать, как же.

– Если и отберут, то свои, в батальоне останется. Кто нашёл, того и тапки. Я сбегать, тут по прямой до него полкило-

метра. Гляну, что с ним, и сообщу. Если на ходу, сам пригну, если баки пустые, сообщу.

– Так у нас бензина нет, а тот не на соляре.

– Стрельнём у проезжающих.

Малинин сбил шлемофон на затылок, пребывая в задумчивости, и хочется и колется. Наконец скривился и сообщил:

– Нужно с ротным на связь выходить. Он полчаса назад со мной связывался, уточнял, где мы, про встречу с диверсантами он в курсе, я сказал, что скоро будем, задержка может насторожить.

– Вы командир, – пожал я плечами.

Тот сбегал к своему танку и минуты через две вернулся.

– Полчаса дают. Сказали осторожными быть, техника может оказаться минированной. Если что не так, велели уходить, там позже сапёры поработают.

– Должен успеть, – кивнул я. – Кстати, а что по ужину? Я обед пропустил.

– Прибудем, покормят, нам оставили.

– Добро, если что, у меня в вещмешке сало и хлеб.

Тут я поймал коптер, тот практически на нуле батареи имел, но вернулся, передав его и пульт мехводу, чтобы в кофр убрал, придерживая автомат, рванул в лес. Брать с собой никого не стал. Видением пользовался, мин нет, бежал спокойно. Правда в одном месте чуть вбок взял и, подбежав, наклонился и подобрал автомат. Обычный АКМ, кто-то из укровкак бросил. Магазин полный, закинув его за спину, по-

бежал дальше. Вот и БРДМ-2, на вид свежая техника, обслуженная, без пятнышка ржи, хотя в лесу стоит. Видение уже показало, машина не минирована, заперта, в баках топлива мало, но нам хватит. Телекинезом открыв люк мехвода, я положил на пол найденное оружие и пытался запустить броню с аккумуляторов. Фиг вам. Разряжены. Массу укропы не выключали. Пришлось вылезать и прямо через броню, слив все пси-силы, заряжать оба аккумулятора. Удалось. Вернувшись, подкачал топлива, и со второго раза движок схватился, бодро затарахтев. Сняв в разгрузки рацию, свою переносную, выдали как командир, связался с Малининым:

– Командир, это Алмаз. Приём.

– На связи. Приём.

– Броня порядок. Завёл. Сейчас выгоню по лесной дороге.

Встречайте. Приём.

– Хорошо. Ждём. Отбой.

Вот и весь разговор, особо болтать не рекомендовалось, рации у укропов хорошие, могут перехватить сигнал. Немного дав броне поработать, обошёл БРДМ по кругу, одно колесо чуть приспущено, но пока разворачивался и катил по лесной дороге, автоподкачка сработала, стала держать давление. Машина, бодро покачиваясь на корнях и кочках, выехала на поле и также бодро добралась до дороги, с разгону въехав на неё, тут подъём крутой был, и, метров двести проехав, я встал за кормой своего танка. Глушить движок пока не стал. Выбрался, как раз взводный подошёл с

бойцами из обоих экипажей. Тот выслушал доклад. Машину мигом осмотрели. Насчёт найденного автомата так и сказал, нашёл случайно, споткнулся об него. Листвой присыпан был. А так БРДМ была в порядке, тройной боекомплект, и в принципе всё. Все свои вещи экипаж машины забрал. Оружие стандартное, крупнокалиберный пулемёт КВПТ и спаренный с ним пулемёт винтовочного калибра. Мы не задержались, я так и остался за рулём бронемшины, только перегнал её вперёд, двигался следом за танком взводного, а мой шёл замыкающим. Больно уж тактические знаки на броне не хорошие, азовцев у нас сильно не любили и в плен их не брали. Насчёт Волновахи я ошибся, та левее осталась, мы куда-то в сторону Угледара свернули. Двадцать минут проехали, и регулировщик нас в лес направил, там и обнаружилась часть нашей роты. Один взвод, ну и с нашими два будет. Тут и третий танк нашего ввода был. Всего семь машин. Впереди передовая, с километр будет, мы поддерживаем парней, что тут наступают.

БРДМ у нас сразу отобрали, ротный обещал машину в нашем батальоне оставить, в разведвзвод уйдёт или во взвод обеспечения. Утром в тыл отправят, её ещё в порядок привести нужно, такие машинки удобны для сопровождения колонн. Это ладно, пока же мы знакомились с парнями, не все знали старослужащих, про мою потерю памяти тоже все знали, знакомились снова, ну и покормили нас, тут была полевая кухня. Пользуясь возможностью, залил в термос горяче-

го чаю. Два литра. Кухня не только с нами работает, но и с парнями на передовой, туда относили ужин в термосах. Сами танки разместили не в одном месте, накроют ещё, а в разброс, замаскировали ветками, ну и начали обустриваться на ночь, в холодном весеннем лесу. К этому я тоже готовился.

Тут да, есть такое. Я пока на квартире жил и по городу гулял, занимался покупками. Кстати, дважды обстрел пережил по городу, но там по окраинам попадали, надо отгонять сволочей от столицы республики, надо. Так вот, пока гулял, потратился немного. Вообще у меня миллион в НЗ был, но подумав, я полмиллиона отдал жене деда Вито, пусть мои личные трофеи, но могу поступать с ними как пожелаю. Так справедливо будет. Ещё чуть больше трёхсот тысяч ушло за коптер. Да, дальность у того не велика, но главная прелесть – камера может работать в двух режимах, в свете дня и ночью. Плохонько, но может. Я её модернизирую. Средства ещё были, вот и потратился. Да так, что всего сорок тысяч от НЗ осталось. Купил я ноут, хороший ноут, он на квартире остался, на компьютерном столе, мне на войне и планшета хватит. Потом средства для жизни на природе. Отличную палатку, надувной матрас, скатки подстилок, тент, спальник на пуху, утварь для готовки на костре, термос на два литра. Однако мне выдали по службе скатку подстилки и спальник, армейские, и это всё. Поэтому, когда на квартиру заскочил, уже прикинул, что брать. Взял тент, его как палатку можно использовать, стенки вполне удастся сделать, большой тент,

потом утварь со специями и вот этот термос. И ведь пригодилось, армейских палаток не было, кто как у своих машин устраивался, кто рубил лапник, пытался шалаш сделать, кто, как я, тент имел. Я же со своим экипажем на подстилку лапник нарубил, подвесил на ветке дерева тент, поэтому у него две стенки получилось, прижали кусками дерева, лёгкий ветерок имелся. После этого расстелили пенку и спальники. Часовых не выставляли, тут охрана из бойцов батальона, что наступал, нам, танкистам, давали отдохнуть.

Особо не спалось, поэтому я проверил связь, но её не было, так что доступа к интернету не имелось. Фигово. Зарядил коптер пси-силой и поднял в небо (парни уже спали), покрутил над позициями, глянул, как укропы разместились, против нас аэромобильная бригада стояла, десантники, и прикинул расклады. А они интересными были.

То, что комроты подходит, я заметил Видением, а когда ближе подошёл, хруст наста услышал. Подморозило, шумно тот шёл.

– Есть что интересное? Я днём своего дрона гонял, но позиции у укропов хороши. Там, похоже, наёмники из инструкторов помогают. Некоторые формой отличаются от общей массы.

– Да, интересное есть. Минное поле видели?

– Да, они его не маскировали, сверху точки земляных работ хорошо видно было. Шахматным порядком укладывали мины. Ты про западный сектор? Да, там от мин чисто.

– Есть шанс проскочить и уйти в тыл к бандерлогам. Если сейчас рвануть, ночью, все шансы на нашей стороне. Можно и одним танком. Терпеть такую проблему в тылу они не будут, хватит и слабого удара, начнут отходить. А то и побегут. Я правильно понял, с утра планируется атака на позиции укропов?

– Догадливый.

– Я бы за ночь рванул в тыл и по артиллерии их поработал. Парни жаловались, бьют по ним не жалея снарядов. А утром уже с тыла ударил по тем, что тут в обороне стоят. Ночью самое то работать, укропам она мешает, нам поможет. У меня коптер с камерой для ночных полётов.

– Вижу.

– Здесь с западной стороны для прорыва место не самое удачное, болото от поймы речки, укропы это тоже понимают, серьёзных сил тут нет, лёгкая пехота и вот тут, похоже, ПТУР. Проскочим по краю у леса. Тут вот след чего-то прошедшего гусеничного, значит, пройти можно, возьмём ближе к опушке, подавим костяник, но пройдем, тут вырываемся на поле, выскакиваем на дорогу и рвём дальше. Проходим мост, и дальше позиции артиллерии. Они точно позиции имеют у дороги, по сторонам, чтобы быстро уйти от ответки, разнесу их и вернусь к мосту. Нельзя давать взорвать его. Я немного в сапёрном деле понимаю, гляну, что там на опорах. Если что есть, да наверняка есть, сниму. Дальше не дам укропам выйти к мосту, встану на его защиту.

– Опасно слишком, – явно колебался ротный.

Похоже не рискнёт, тут авантюрный склад ума нужен, как у меня, а тот прагматик, рисковать не любит, но и план шикарен: если получится, мы тут между речкой, мостом и оврагами задрём два батальона с техникой.

– Без пехоты танк лишь одна большая мишень.

– Товарищ капитан, да что вы? Уж поверьте, моя машина и один в поле воин. Поверьте, если бы не был так уверен в плане, я бы не рискнул. Я не хочу терять свой первый экипаж и мой первый танк. Тут же есть шикарная возможность малыми силами откинуть противника, а то и взять его в огневой мешок и уничтожить, уйти они смогут только пешком и по оврагам.

– М-да, задачка.

– Чёрт! – выкликнул я и, положив пульт управления коптером на надгусеничную полку танка, стал работать с пультом обеими руками.

– Что там? – спросил ротный и засопел у меня над плечом, глядя на экран.

– С тыла к позициям боевиков выходит одиночка. Похоже, кто-то из наших.

– Разведка?

– Вроде нет... Ну точно, круглый шлемофон на голове, комбинезон. Лётчик.

– Из русских, значит, мы авиацию тут не использовали, да и мало её у нас.

– О, так он там не один, следом ещё двое, тоже летуны. Один ранен, второй помогает идти. Видимо тот, что впереди в дозоре, разведку осуществляет.

– Да, вижу, – сбоку глядя на экран, пробормотал капитан. – И идут как раз на пути твоего плана прорыва. Болото точно проскочишь?

– Зуб давать не буду, но уверен, что проскочу.

– Вот что, – ротный, похоже, всё решился, а обычно он не менял планы, и стал резкими командами отдавать приказы: – План твой реализуем. Работаем. Рота тебя поддержит, шумом прикроем рывок. Летунов подберёшь, спрячешь в лесу, отдашь им спальники и тент, еды. Мы как оборону прорвём, их заберём. Через десять минут выходим на позиции, и ты идёшь на рывок. Твоя основная цель – артиллерия, сегодня днём они нас тут серьёзно душили, дивизиона два ствольной артиллерии работало, да батарея «Градов». Найди их. Всё понял?

– Так точно, – внутренне радуясь, сказал я.

Если бы не летуны, капитан точно бы зарубил мой план, не рискнул бы он, а так осталось только благодарить неизвестных летунов за их появление. Я рванул за парнями, стал поднимать экипаж, коптер уже возвращался, там автоматика, так что мы всё быстро свернули и возвратили в танк, мехвод запустил движок; задачу я уже поставил, парни заметно волновались, задание опасное, боевой опыт только у меня и мехвода, но работали уверенно. Вернув коптер, я забрался

на место командира и, командуя механиком, направил танк следом за остальными. Мы третьими в колонне были. Наши парни из пехоты, поднятые шумом, как и сами укропы, уже готовились. Движки громкие, издалека слышно, вот так с ходу танки открыли огонь, выезжая из леса на поле. Били по вспышкам ответных выстрелов, пехота подержала стрелковым вооружением, станковыми гранатомётами, а я, командуя мехводом, тот мало что видел со своего места, на пределе, мы по полю до сорока километров в час разогнаться смогли, тяжело, но удалось, проскочили поле. Мелькнул окоп под нами, мы перевалились через него, мелкий окоп, с водой на дне, и, давя кустарник, объехав болото, вырвались на оперативный простор. Я же говорил, сил тут у боевиков и не было по сути, мы в оперативном тылу местной обороны. Об этом я сразу сообщил капитану, поинтересовавшись, нет ли у наших потерь с этой разведкой боем в ночи. Тот ответил, что один кадр смог ракету ПТУРа словить в передок, за что получит нагоняй, но все целые, машины уже отвели в укрытие. Правда, артиллерия укропов начала бить по квадратам, видимо пожаловались им те, что в окопах сидели. Кстати, за кормой было светло как днём, десятками осветительные ракеты пускали, откуда только нашли столько?

Покинув лесок, переваливаясь на неровности дороги, рыча движком, мы было съехали на поле, как я заорал:

– Стой! Давай назад помалу.

К счастью, смогли вернуться назад, а наводчик спросил:

– Что там?

– Пашня раскисшая, хуже болота. Мы бы тут точно увязли. Придётся объезжать по краю леса, к дороге вырывать.

Что нам предстоит, парни уже знали, у танка их построил перед выходом, просветил и про лётчиков, и про то, что мы артиллеристов отлавливать будем. Обычно они часто избегают возмездия, кары получают при контрбатарейной стрельбе или если русские летуны накроют при движении, а так при наступлении первыми драпают и успевают уйти. Пока же танк развернулся на траве у опушки, срывая дёрн, комками, и мы покатали дальше, стараясь держать предельную скорость. Артиллеристов уже наверняка просветили, что к ним в тыл проскочил одиночный танк, могут и свернуться. Сам я сидел в открытом люке, крутил головой, контролируя обстановку и управляя мехводом, тот как ничего не видел, так и продолжал не видеть, фару мы не включали. Да, у мехвода имелся прибор ночного видения, но ночь тёмная, и тот особо не помогал, а инфракрасный фонарь был повреждён. Надо будет починить Силовой Ковкой, там внутреннее повреждение, от тряски проводок отошёл. Тут наводчик снова нарушил молчание:

– А что с летчиками?

– Они с другой стороны поля, от речки идут. Пересекли бы поле, и как раз на них бы вышли. Придётся по дороге поле объезжать.

Так и двигались, тут и прибор ночного видения у механи-

ка заработал, починил я, смог дотянуться, стало легче. Мы выбрались на дорогу, ствол как был у нас холодным, так и оставался, полный боекомплект, четыре снаряда, что потратили днём, вернули на место. Так и гнали по разбитому асфальтовому покрытию, набрав скорость пятьдесят километров в час. Позади разлетались крупные лепёшки грязи, но чем дальше, тем меньше. Километр где-то мы проехали, и я велел скидывать скорость, был съезд на полевую дорогу, по ней доехали до летунов, тут метров триста от дороги, они в овражке укрылись, надеясь, что мы их не увидим. Танк встал, двигатель негромко заурчал, и я крикнул:

– Эй, летуны, можете выбираться, мы за вами!

– Вы кто?! – расслышал я крик в ответ, между нами метров сорок было, в принципе перекрикиваться можно.

– Танкисты, корпус ДНР. Я подойду, не стреляйте.

Наводчик, подхватив свой автомат, прикрывал меня из своего люка, я же, спустившись, при мне один пистолет был, быстрым шагом подошёл к летунам.

– Сержант Серов, командир танка триста двенадцать, батальон «Дизель». ДНР. Вот мои документы.

Старший из летунов фонариком изучил моё удостоверение, убедившись, что всё точно, даже обнял. Они, оказывается, вторые сутки тут бродят, все трое простыли уже, штурман ранен осколком. А вот как тут оказались, не сообщили, видимо проводили какую-то секретную высадку. Это был экипаж транспортного вертолётa, и сбили их ракетой при

возвращении. Позапрошлой ночью. А мост, что нас интересовал, прошли спокойно пару часов назад, как стемнело, его не охраняли. Уже интересно. Танк развернули. И пока наводчик быстро нарезал бутерброды (пригодились хлеб и сало, да и чеснок с луком, с ними вкуснее), летуны жадно насыщались, пайки у них закончились, а я пообщался со старлеем, он был командиром погибшего борта. Аварийная посадка после попадания зенитной ракетой. Вертолёт сами подожгли, чтобы противнику не достался. Так вот, пока наводчик нарезал бутерброды, а мехвод наливал чай из моего термоса, тот ещё горячий был, движок танка молчал, сам я, перевязывая раненого штурмана, из всех только я был неплохо обучен оказанию медпомощи, ну и параллельно пояснял ситуацию:

– Вообще план такой, прорваться в тыл одиночному танку и на максимальной скорости по дороге идти в тыл, найти артиллерийские позиции и уничтожать их. Хотя бы половину ствольной артиллерии, если повезёт, выбьем. План хотели зарубить, но тут с помощью коптера мы вас рассмотрели, так что план вступил в силу. Моя идея, моё и исполнение. Вон на передовой укропы всё не успокоятся, ракеты пускают и стреляют. В принципе, то, что мы выбьем укропскую артиллерию, шансы малы, свалят скорее всего, чаще танк отправляли, чтобы тыл противника расстроить и тех, кто в обороне сидит, легче сбить было. Да и мост целым взять приказ стоит. По поводу вас, выдать спальники и еды, передать приказ

вам переждать в лесу, наши завтра-послезавтра возьмут эти территории, там сами выйдете или вас наши найдут. Знают о вас.

– Интересный план, – сказал старлей, допивая чай из кружки. – А с нашими связаться, чтобы вертолёт для эвакуации выслали?

– Хм, можно и так, но тут укропы серьёзно нами расторошены, могут и его сбить, перехватив наше сообщение. Я же предлагаю свой план. Едете с нами, на корме. Как только мы находим артиллеристов, оставляем вас и бьём противника. Причина – трофеи, я планирую взять технику, а у меня некому её перегонять. Поработаете водилами. За это получите долю в трофеях.

– Не понял, что за доля?

Вопрос так и висел в воздухе. Тут интерес был не только у летунов, но и у моего экипажа. Так что озвучил старлей мысли всех.

– Объясню. Сбора трофеев в армии ДНР нет, это считается мародёрством. Точнее есть, но всё уходит тому подразделению, где были они взяты. Я имею в виду личные трофеи. Поэтому оружие и всё, что сняли с тел убитых нациков, сдаётся. Там уже распределяется по подразделениям или на склад для резервистов. Это правило соблюдается неукоснительно, это всех касается. Однако насчёт электроники, телефонов и планшетов, вопрос другой. Их тоже сдают, но сначала поработать нужно с ними. Самые важные трофеи, кредит-

ные банковские карты. Тут вопросов нет. Я убил трёх азовцев, с них снял семь банковских карт разных банков, под их именами вошёл в банки через интернет и не только опустошил счета, но и набрал кредитов, общая сумма, с трёх нациков, тридцать пять миллионов рублей. Не стоит думать, что я вот так разбогател, двадцать два миллиона ушло в Фонд обороны республики, они в евро были, двести тысяч. Бедные нацики, надо сказать. Потом пять миллионов жене погибшего командира, пятьсот мехводу, купил себе отличную однокомнатную квартиру в новостройке, ну и так потратился, что на счету у меня сорок тысяч осталось. Причём командиры в курсе об этом и запрета пока не дали, только взяли с меня обещание, что я буду переводить девяносто процентов добычи с этих трофеев в Фонд обороны, но касается это только меня лично, а не вас. Поэтому и предлагаю вам доли, летуны у нас за пехоту будут, поработаете, никто лёгких денег не обещает. После нашей работы зачистка и сбор трофеев, кредитки и телефоны мне передадите, тут связь укропская есть, мне хватит. Скинете номера своих счетов, и я ваши доли вам переведу. Конечно, к вам вопросы могут возникнуть от контрразведки, откуда переводы, пока вы во вражеском тылу были, можете на меня кивать, доли с трофеев, я подтверждаю, так что у вас будут средства, которые не облагаются налогом. Дальше сами уже. Мне, конечно, влетит, и запретят и такие трофеи, но это уже моё дело. Да и вряд ли ругать будут, если трофеи боевой техникой хорошие возьмём. Куш

может быть серьёзным, поэтому долей семь, две моих, как командира и спеца по взлому, вам по доле на каждого. Размеры зависят от добычи. Думайте, но быстро. Пока артиллеристы не смылись, они основная наша цель, ну и те, кто на дороге попадётся.

Штурман, тот раненый, обратился к командиру борта:

– Командир, я за. Сам знаешь на мне и жене по ипотеке висит, дочкам квартиры купил. Я и сюда рванул из-за боевых, тут они хорошие.

Мои парни тоже начали кивать согласно, они были не прочь. В общем, все согласилось. Так что свернули, летуны поели, устроились на корме, и мы рванули обратно к дороге. За мостом только тормознули, так и есть, минировано, дистанционно подорвать можно, я забрал детонаторы, но заряды не снимал. На шесть минут задержались и рванули дальше.

Первой добычей оказался украинский броневедомитель «Козак-2М», что двигался навстречу, в одиночку, мы продолжали идти под светомаскировкой, подфарники бронемашин поздно осветили нас, таранный удар – и бронемашин полетела под откос. Летунов мы до этого высадили, как засекли движение навстречу, так что подбежали и начали доставать экипаж и десант из изувеченной машины, что лежала на крыше внизу откоса. Видение показало, что из шести человек десанта погибло четверо, из экипажа один. Причём это не ВСУ, а нацики из националистического батальо-

на «Азов». Снова азовцы. Я думал они все в Мариуполе в окружении дерутся, а тут смотри, их братья катаются. Покинув танк, пока летуны собирали трофеи, снимая всё ценное, обвешиваясь разным оружием (разместят на корме, часть в танк уберём), я принял всё что нашли из электроники. Даже повреждённой, ну и карты банковские. Я закончил обыск в вещах, раскиданных у машины, забрав всё, что видел и мне нужно, а потом, пока летуны устраивались, мы покатали дальше, коптер показывал дорогу впереди. Оказалось, старлей – опытный пользователь таких машинок. Я отдал ему пульт, и тот вёл воздушную разведку. А сам к планшету своему трофейному подключил симку одного из свежих азовцев, все они погибли, перед отъездом добил тех, кто выжил в таранном ударе, ножом. Да они все так побиты в машине были, что скорее милосердие проявил. Кстати, среди трофеев я отобрал три отличные рации, с гарнитурами, свою выданную как командиру убрал в вещмешок и на разгрузку повесил трофейную, встав на волну нашей роты. Парни из экипажа тоже на этой волне теперь были. Да и у летунов рации теперь имелись, общались мы по шифрованным каналам. Нацисты очень хорошо и дорого оснащены были, денег на них не жалели.

Вот так работая с банками, а связь стабильная, я проверял карты одну за другой, снимая всё и беря максимальный кредит, благо пока запретов на это не было. Закончить с картами не успел, только пять полностью обчистил и выкинул

на ходу, как летуны засекали стоянку реактивной артиллерии укропов, что стояла в ряд в лесу, на лесной дороге, да ещё маскировочными сетями накрыта. Пять установок и шесть грузовиков, один явно топливозаправщик, судя по цистерне. Ещё у одного грузовика зенитка в кузове. Явно подвижная артиллерийская группа, была и машина командира батареи на базе «Урала». Стояли палатки, но костра не видно.

Крупная группа, но взяли мы её на раз. Они стояли в лесу, машины в сторону дороги смотрели, по которой мы катили, двести метров по полевой дороге, выедут на трассу, и поминай как звали. Втопив педали газа в пол, только и мелькнул впереди, смывшись. А тут просто, высадив летунов, мы свернули на полевую дорогу и рванули к стоянке. Часовые забеспокоились, когда фару включили и фугасом выстрелили по верху голов. Росчерком снаряд пронёсся над колонной и рванул за спинами, драпанули все. Стрелять я прицельно опасался, хотел всю технику целой взять. И мне это удалось, когда гружёные летуны подошли, живых тут не было. Почти сотня укропских артиллеристов свалили в закат. Я бы их уничтожил, очень хотелось, но эта техника нужна нашим военным силам республики. Коптер показал, что они бегут всё дальше, лес закончился и двигаются по полю, так что я один сидел и контролировал обстановку. Штурмана за руль «уазика» командира батареи, он и с одной рукой справится, четверо парней в кабины «Уралов», с установками, и машины перегнали на другую сторону трассы, где также был лес и

лесная дорога. Там и лес получше, ельник. На дороге технику вразнобой и ставили, чтобы не накрыли разом всю, если ударят, летуны тут останутся, будут охранять технику, вот и наведут маскировку, маскировочные сети в наличии были. В три этапа перегнали всё, штурман на «уазике» привозил их обратно, даже палатки, где ранее спали укропы, комками закинули в кузов одной из машин. Кстати, боезапас у батареи один, тот, что снаряжён в установки. Видимо тут не все грузовики, часть отправили в тыл за боезапасом. Среди трофеев и полевая кухня имелась. Удачная добыча.

Час потратили на захват и перегон – это ещё быстро, дальше летуны занимались трофеями, зениткой в кузове, решили, что это основное оборонительное вооружение будет, пока ждут своих, а мы рванули дальше. Повезло, застали укропов в тот момент, как на дорогу с просёлочной выбирается артбатарея «Рапиры». Это, конечно, не гаубицы, сто миллиметров всего, но тоже достойная цель, четыре ствола. Кроме того, семь грузовиков, плюс одна бронемашинка. Встали и с четырёх километров расстреляли их. Наводчик, сверяясь с тем, что видел на экране пульта управления коптером, куда шла картинка с камеры, сделал два выстрела, один удачный, а там детонация боезапаса в одной из машин произошла, пожар, и работать стало легче, подсветило. Мы подкатили ближе и добились остатки батареи. Потом посмотрели вслед тем артиллеристам, что выжили и убегали от нас. Их с десятков было. Не ушёл никто, коптер подтвердил, накрыли. Сре-

ди ополченцев существует негласное правило, укропских артиллеристов в плен не брать. После этого покатались, больше коптером окрестности изучали, но всё как вымело, так что рванули на поиски личного состава захваченной нами батареи. Вскоре коптер нашёл их, тремя группами шли, плюс одиночки. Видимо потерялись в ночи. Работали в основном пулемётами, пару раз фугасами в крупные группы положили. Наводчик уверенно работал, я световые ракеты пускал, видел цели. Ящик у азовцев в машине нашли, у нас не было. Иностранные ракеты, не наши. В основном на моём личном счету уничтоженные вэсэушники, работал из спаренного с пушкой пулемёта и из зенитного, они даже пытались сдать-ся, но мы в плен не брали. Уничтожены были все, педантично, даже одиночки. Я не поленился, покатались по степи, добил подранков и собрал документы. Для отчётности. Может и жёстко, между прочим записи с коптера велись, но все мы из Донецка, и обстрелы, что там происходили, помним хорошо, наши бойцы артиллеристов в плен принципиально не берут. Укропы это знали, странно, что руки поднимали.

Собирал я не только документы, но и платёжные карты разных банков. Видение показывало, что, где, и времени я зря не тратил. Целую пачку набрал. Почти две сотни, некоторые по две, а то три имели при себе. А мы ведь и в захваченном лагере их нашли, в вещах, я там тоже собрал. После этого покатали к летунам, мы тут работать закончили, осталось мост оборонять и ждать, пока наши до него дойдут, но к

мосту можно на рассвете выйти и занять позицию, я уже при-
смотрел неплохую, два часа у нас есть. Когда вернулись, нас
встретили горячим чаем, развели костерок в палатке, хоть
согрелись, а то одежда сырая. Дальше, пока парни трофея-
ми занимались, мои танкисты вздремнули в кузове одной из
машин, я работал с картами. Дело двигалось не так и быстро,
примерно по пять-шесть минут на каждую карту, до рассвета
двадцать минут было, когда я всех поднял и велел собрат-
ся у танка. Для начала показал экран планшета, там открыт
был онлайн-банк, причём с моим личным счётом, где и был
показан баланс на эту минуту.

– Двести семнадцать миллионов рублей?! – вытаращил
глаза старлей.

Остальные тоже в шоке были, я ещё добил, говоря:

– До этого там сорок тысяч было. Я успел все карты, най-
денные у нациков и у артиллеристов, что бросили с вещами
батарею, вскрыть и вот перевести, остались те карты, что со-
брали с тел у батареи «Рапир» и с тел личного состава бата-
реи «Градов», что сбежали от нас, а позже мы их перехва-
тили. Времени на взлом нет, позже переведу. Эти пока де-
лать нужно. Тут примерно по тридцать миллионов на каж-
дого, мои шестьдесят. Вы своим родным звонили? Я телефо-
ны дал, узнали счета?

– Да.

Те сунули клочки бумаг со счетами, парни моего экипа-
жа тоже, так что по три минуты на каждого, и я провёл

деньги, летуны звонили своим и подтверждали, деньги пришли. Штурман радовался, всё ипотеки закрыты и даже что-то осталось ещё. Я же велел экипажу занять места в машине, и мы рванули к мосту, а летуны продолжили охранять трофеи. Пока всё идёт неплохо. Сглазить не хочу. Десять километров пролетели быстро и уже при свете утра заняли позицию в трёхстах метрах от моста. Сигнал ротному, что мост под охраной, ушёл. Он кодовый. Экипаж уснул на своих местах, я дал добро, коптер крутился в небе, а сам, поглядывая на экран, куда шла картинка с камеры, ломал карты дальше. Кстати, что касается моих шестидесяти миллионов, я уже отправил их в Фонд обороны; мои десять процентов, а это шесть миллионов, остались на счету. Я старался быть честным. Подумав, решил связаться со своими, но, чтобы укрупы не засекали, так что вставил в свой телефон трофейную симку, моя тут не брала, и позвонил комбату. Несмотря на ранее утро. А у меня в телефоне забит только он и особист из старших офицеров батальона. Ротного не было почему-то, а взять перед операцией номер я не догадался. Позвонить всё же нужно, сообщив, что за ночь успели, это позволит им сориентироваться и поработать с полной отдачей. Передадут ротному. К слову, наш батальон не действовал одним кулаком, танки были переданы для усиления пехотных частей, по одному или взводом. Наша рота, что действовала совместно, это редкость. Только для этой операции, и скорее всего вскоре её снова по подразделениям раскидают.

Не отвечал комбат довольно долго, или спал, ранее утро, вполне возможно, или пытался выяснить, что нужно укропам от него, номер-то украинской сотовой связи. Конечно, найти номер комбата сложно, но возможно, и тому бывало поступали звонки с угрозами, и тому подобное, поэтому такая реакция не удивительна, однако всё же ответил:

– Слушаю.

– Товарищ полковник, доброе утро, это Алмаз. Извините, что звоню вам, но у меня ваш номер вбит в память телефона, ротного нет, иначе ему бы позвонил.

– Я в курсе, что ты в тылу противника. Доложили. Доклад, только коротко и простыми словами.

– Есть. Прорыв удачным был, перескочили линию передовой и ушли в тыл. Подобрали лётчиков. Там штурман ранен, но не серьёзно, только рана воспалилась, я обработал, почистил, грязь попала, обломок осколка удалил, основной они сами ранее вытащили, сейчас порядок. Однако приказ ротного укрыть летунов в лесу, выдав им всё необходимое, не выполнил. Я на трофеи рассчитывал, на технику, а тут трое, что можно за баранку посадить. Взял с собой, пришлось уговорить, обещал доли в трофеях. Обещание выполнил. Сначала побывали на мосту, заряды были мной деактивированы. Сами заряды на месте, но детонаторы извлёк. Подрыв дистанционный. Потом двинулись дальше, и первая цель – азовцы на бронемашине «Козак». Двигались к передовой. Решил не использовать вооружение танка, высадил

летунов и принял встречную машину в лоб, таранными ударом сбросив с откоса. Пушку на бок повернули, чтобы не мешала. Все азовцы погибли, восемь их было, документы и трофеи собраны. После этого коптером обнаружили на лесной дороге батарею «Градов», пять боевых машин, штабная, командирская и сопровождения, расчёты спали в палатках. Шугнули их фугасом над головами и захватили всю батарею целой. Это наша добыча, нашего батальона. Перегнали в три этапа технику в другой лес, захваченные машины сейчас летуны стерегут, отправились дальше и обнаружили, как снялась и выезжает на дорогу батарея «Рапир», уничтожили точным огнём с дистанции четыре километра. Подошли ближе и добились. Четыре пушки, восемь грузовиков, КШМ на базе БТР-70, семь десятков боевиков. Выживших среди личного состава нет. Личные документы собраны. После этого провели разведку и больше таких целей не обнаружили, но вышли на личный состав захваченной батареи, покинули дорогу и полевой вышли на них и открыли прицельный огонь. Они по целине шли в свой тыл. Выживших нет. Подранков тоже. Документы собраны. Вернулись к летунам, разобрались с трофеями, все доли получили, у меня две было, я перевёл девяносто процентов своей доли, это пятьдесят четыре миллиона рублей, на тот же счёт. На данный момент заняли позицию у моста, ждём отхода нациков. С коптера велись записи, если у вас хватит памяти телефона, то могу скинуть записи, включая мой рапорт.

– Сейчас к ноутбуку подключусь и скинешь. И запись встречи с диверсантами у нас в тылу тоже.

– Есть.

Вообще копию этой записи у меня уже забрали, ротный, когда прибыли в расположение, но раз надо, значит вышлем. Как дали отмашку, я начал загрузку, минут за пять ушло всё, что отметил. Сам за это время с помощью айфона успел ещё одну карту вскрыть и всё с неё, да и кредиты, тут два удалось взять, перевести на другую карту. Тут вообще как? Все гривны я переводил на счёт одного из нациков, выбрал тот, где доступ к счёту помимо него никто не имел, а как набиралась крупная сумма, гонял по банкам Казахстана и уже на свой счёт перегонял, путая следы. Причём санкции сказались, стало куда сложнее работать, пару раз я запреты на переводы просто сносил таранным ударом. Это не осталось незамеченным, и уже началось противодействие. Однако по работе с картами, с кредитами украинских военных проблем пока не было, проблемы именно конвертирования валюты и перевода на свой личный счёт, но как я уже говорил, вопрос решён. Так и работал. Комбат подтвердил получение информации; координаты, где батарея спрятана, у него были, вряд ли её нашему батальону оставят, типичная кочующая батарея, в полном сборе, собрать личный состав и начать работу можно легко, но он может обменять трофеи на что-то нужное нам. На что – не знаю, это дела комбата, но расклад ему известен, дальше его работа.

Как только тот получил информацию, память с телефонов нациков из перевернувшейся бронемашины тоже тут была, это для особиста, я сказал тому:

– Товарищ полковник, такие трофеи развращают. Дайте приказ прекратить это дело. Да и хватит нам уже. Летуны тоже довольны. Трофеи законные, если что, я подтверждаю.

– Уже подписан, получите, как с нашими соединитесь.

– Отлично... О, движение на дороге. Кто-то едет к мосту.

* * *

Очнулся я с трудом, тело болело, такое чувство, что оно сплошной кусок мяса. Обломки зубов во рту. Стараясь не шевелиться, я запустил Видение и понял, что нахожусь в камере-одиночке, нары, мокрый пол, холод и сырость. Сам я в рваной форме, похоже своей, ноги босые свешивались с нар, ботинки куда-то делись. Видение показало, что в соседних камерах сидит множество народу в форме и гражданке. Два уровня камер, наверху кабинеты, работали люди. Стало ясно что я в плену. СБУ похоже. Город какой-то, но что за город – не ясно. Источник полный, поэтому запустил диагностику головы, сознание плавало, и начать нужно с неё, остальным позже займусь. Контузия, средней тяжести, даже чуть выше, несколько зубов выбито и сломано, нос всмятку, челюсть сломана. Меня били, причем били долго, пиная бессознательное тело. Что произошло, я пока не помнил, мо-

жет, вспомню как вылечусь? На диагностику головы ушло восемьдесят процентов источника. Это так. У меня уровень опустился до «Д-5», я увеличил дальность Видения, и сейчас было шестьдесят три метра. Даже чуть больше. На несколько сантиметров. Вещь нужная, но больше использовать эту опцию не смогу. Четыре раза это предел, количество использования этой возможности тоже было, и оно, конечно, вот до границы и дошёл. Поэтому и ушло так много, и оставшиеся двадцать процентов, все пустил на лечение основного очага контузии. Не долечил, но сознание прояснилось, уже не плавало, хоть думать стал нормально.

Так лёжа, стараясь не шевелиться, я начал медитировать по методике Джоре, оно так быстрее, нужно восстановить себя, похоже у меня переломы. Как сбегу – пока не знаю, но сделаю это, и пока медитировал, нужно до полного источник заполнить и слить всё на лечение головы. Потом и дальше можно диагностировать тело и использовать лечение на серьёзных повреждениях и ранениях.

А что произошло, я вспомнил, помогло первое и начальное лечение головы. Тот прорыв в тыл к противнику закончился хорошо, мы освободили без потерь обширные территории с тремя населёнными пунктами, что не были разрушены, как боевики поступали в подобных случаях. Захваченный мост дал нам оперативный простор для наступления на Угледар, и на пятый день мы вышли к его окраинам. Вообще после звонка комбату (действительно на дороге движение

было замечено) я поднял коптер, но оказалось, что боевики своих раненых эвакуируют, в кузове КамАЗа и «шишиги» везли на небольшой скорости, мы их пропустили, всё же с ранеными мы не воюем. Те видели нашу позицию, не могли не видеть, наверняка сообщили своим, но проехали мимо. А потом нас пытались сбить с позиции миномётами, мы откатились, уходя от разрывов, и два танка Т-64 выехали на прямую наводку. Одному сбили гусеницу, второго сожгли. Нам тоже прилетело один раз в башню, та стала медленнее со скрипом поворачиваться, но пережили.

В общем, бросили укродесантники свою технику и уходили пешком по оврагам под ударами нашей артиллерии, корректировщики хорошо поработали, бежали быстро. Сорок грузовиков захватили, двенадцать бронетранспортёров, тринадцать БМП разных версий, миномёты, пушки, установки ПТУР, два танка целыми и один подбитый мной. Давненько у нас таких шикарных трофеев не было. Трофейщики уже отгоняли всё в тыл. Когда наши появились, мы их пропустили и, включившись колонну, дошли до спрятанной батареи. Ротный её принял, выставил охранение, позже, как тут тылы почистят, отгонят в тыл, и мы пошли дальше. А летунов на попутной машине отправили к своим. Первый заслон ВСУ уже через пять километров обнаружили, там, где мы «Рапиры» побили.

Что дальше было? Роту раскидали по подразделениям, как я и говорил, моя машина усиливала один из взводов пер-

вого батальона «Хан», и дальше началась обычная боевая работа: я коптером выискивал цели и расстреливал их, взвод подходил и зачищал. Пару раз прилетало и нам, но, к счастью, обошлось, больше мазали, да и мы активно маневрировали и укрывались в складках местности. А тут, когда на подходе к Угледару были, прилетало нам, танк укропов сработал, да так, что башню наглухо заклинило, мы лёгкие контузии получили, я глянул Видением, там сердечник снаряда застрял. Тут ремонтные мастерские нужны. Я взводному сообщил, под командованием которого находился, сказал ему, что нам на ремонт необходимо, но пока мы можем вести огонь, как самоходка, до того, как замена придёт. Тот вызвал командование, объяснил ситуацию, и ему обещали прислать танк на замену. Прибыл тот утром следующего дня, не из нашего батальона парни. За это время мы, работая как самоходка, уничтожили несколько дотов и другие позиции противника, случайно накрыли батальонный склад боеприпасов. Всё осложнялось тем, что на момент попадания башня танка была развёрнута на правый борт, так её и заклинило, тут и самоходкой куда сложнее было работать, так ещё когда замена пришла и мы своим ходом шли к Донецку, нас туда направили, ремонтники подвижной мастерской уже глянули, башню снимать нужно, так мы стволом столбы могли зацепить или какие-то сооружения. В общем, непростая дорога вышла, но добрались. Танк приняли, а нас хотели было привлечь в помощь, обычное дело, но у командования име-

лись свои планы на наш экипаж. Не хватало эвакуационных команд, танк за три дня обещали в строй вернуть, а нас раскидали по эвакуационным подразделениям, и мы тягали подбитую или целую, но брошенную украинскую технику.

Я работал один, перегонял БМП или танки. Тяжёлую технику. Помню, мы подкатили к брошенному танку, тот на ходу, баки пустые, потому и бросили. Машину заправили, парни укатили, там дальше на поле два застрявших бронетранспортёра были, а я погнал машину к Докучаевску, на пункт сбора. Там примут машину. А тут удар, противотанковым гранатомётом сработали с опушки. Диверсанты. И второй раз, тут меня и вырубил. А сидел я в открытом люке мехвода.

Как я из нашего ближнего тыла оказался в застенках СБУ, имею только догадки. Пользуясь тем что дорога пуста, диверсанты осмотрели подбитый танк, кажется, тот на обочину сполз, и вытащили меня. А тут по документам поняли, кто им попался, и возрадовались. Видимо видели запись награждения. Да, мой экипаж наградили. Это было в тот день, как мы пригнали танк на ремонт, вечером. К тому моменту кадры с захваченными «Градами» крутили и по центральным каналам России, не только нашим. Нас срочно дёрнули, переодели в парадку, но посетить душевые дали, и на награждение. Хотели на передовой, ну раз мы тут, то тянуть не стали. Мне дали прапорщика и медаль «Золотая Звезда» Героя Донецкой Народной Республики. Да, я получил высшую на-

граду. Мехвод мой, сержанта получил и такой же орден, что я ранее. Наводчик младшего сержанта и тоже такой же орден. Вполне почётный. Это их первые награды. Награждение шло с телевизионщиками и этим же вечером нас показали в новостях, в девять вечера. Узнали, гады, и видимо вынесли по тем тропкам, по которым просачивались в наш тыл. Всё же передовая не сплошная, наши разведчики в тыл к укропам тоже бегали. Сколько я без сознания, не знаю, но контузия, удары по голове, мог и довольно долго пребывать в коме. Да, уж вышло так. А планы были, пока идёт ремонт, пожить в Донецке и возобновить встречи с моими любовницами, уже очень хотелось. Нет, пока парадку забирал, я успел побывать и в магазине, и риелтор ко мне на полчаса заскочила, урвал чуток ласки, но и только. Жаль, конечно, однако и эта наша работа по эвакуации дело серьёзное. Что я потерял? Плен да, неприятно, но сбегу. Документы, наградные планки, вещи свои, оружие, коптер, он со мной был, всё это потеряно. Парадка на квартире с наградами и наградными книжками, тут порядок. Коптер куплю новый, остальное восстановлю, как к своим вернусь, так что особо потерь я не понёс. Кстати, моим коптером укропы вряд ли воспользуются, я, конечно, начал модернизацию, но не закончил. Пульт с паролями, его не взломают, коды на языке Содружества.

Это пока всё, больше особо новостей нет и рассказывать нечего. Хотя нет, до того, как я получил приказ прекратить отбирать деньги со счетов нациков, то закончил со всеми те-

ми картами, что принесли нам всем немалые суммы. Я честно летунам на счета перевёл, хотя мы уже попрощались, обнявшись. Это я к тому, что мой счёт увеличился на пять миллионов, теперь одиннадцать с половиной там. Для жизни хватит, пусть лежат. После войны я планировал выйти в отставку, будет на что жить. А что, война закончится, я как агенты Моссада планировал работать по тем странам, где будут скрываться нацики, и чистить их. Доставлять на суд в республику никого не буду, зачистка на месте. Планы у меня такие. А потом был приказ, письменный, так что всё, прекратил это дело. Всё, что хотел успел, дальше не важно. Да, с летунами перед расставанием я поговорил, как и с обоими членами своего экипажа. Намекнул, что возможно волнение рубля, пока деньги есть, пусть вкладывают в недвижимость. А то сейчас десять миллионов это деньги, а через год месячная зарплата. Они серьёзно задумались. Вот пусть и думают, а то не хорошо будет, если потеряют свои доли. Даже штурману, что часть средств потратил на закрытие долгов, хватало на три-четыре квартиры в родной Самаре или на две в Москве. Что уж про остальных говорить?

Вообще нацики сами, похоже, не поняли ещё, как попали. Я у них в тылу – и полная свобода действий. То есть дали мне шанс повеселиться с ними до окончания войны. Причём было у меня недели две, пока не восстановлю себя. Не хочу, чтобы мне задавали вопросы, почему зубы сами отросли, переломы зажили и гематомы вдруг рассосались куда быстрее,

чем должно быть. Вот на это всё я и рассчитывал, прикидывая шансы. Я где-то в тылу, тут нацистов множество, знай работай. Главное выяснить, что за город. Планы неплохие, но пока я на восстановлении. Я ощупал себя, благо в камере были микрофоны, но не было видеокамер наблюдения, поэтому, пока не шумлю, вряд ли ко мне кто зайдёт.

Набрав полный источник, я всё так же слил в голову. Сознание совсем прояснилось, и волна боли накрыла, хорошо со мной поработали. Пришлось волевым усилием отделиться от боли, поставив барьер, и продолжить медитации. Снова заполнив, левой рукой вправил нос и заживил его, убрав кровавые сгустки из ноздрей. Телекинезом вырвал обломки зубов, новые выращу, и снова медитация. До половины источник успел наполнить, как Видение показало, кормёжка началась, обходят всех, так и до меня добрались. Открыли дверь, перед этим глянув в глазок, но моя поза не изменилась, как лежал, так и лежу, вот без страха и зашли двое с тележкой еды. Интересно, как меня кормить собрались? Оказалось, всё отработано. Достали пакет, и воткнув в вену иглу, подвесили его, на внутривенном я был, получается. Это хорошо, я лечусь, нужен материал для восстановления, оба вышли, а я продолжил делом заниматься. Следующие психику тратил на диагностику тела, по очереди от головы и ниже до кончиков пальцев ног. Закончил за полночь, но хоть теперь знаю, что со мной. Не так и плохо, как я думал, но и хорошего мало.

Значит так, по переломам, сломана кисть правой руки, со смещением, сильно опухло место, пальцы почти не чувствую, потом челюсть и два ребра с левой стороны груди, там же у ещё двух трещины, но тут переломы ровные, без смещения. А так потроха отбиты, да и вообще сплошная гематома. Нос всмятку, но я его выправил, скоро выровняю. Пришлось трижды источник до полного путем медитации заполнять, но зато всю диагностику провёл, тело, сильно опухшее от травм и гематом, и судя по времени, в коме я был два-три дня, не больше. Так что сегодня или семнадцатое, или восемнадцатое марта. В плен попал пятнадцатого. Из темницы нужно валить, я это сделать смогу даже в таком состоянии, ноги целы, поэтому ждём, когда будет следующая кормёжка, валим нациков и уходим. Желательно ночью, тогда все шансы на побег повышаются в разы. Мне вот не понравилось обращение тех двоих, так один пнул по ноге, выругавшись по-нацистски. Ну или по-украински, для меня это одно и то же. Удавлю обоих. Если бы те не торопились, было видно по движениям, быть бы мне мальчиком для битья. Жалеть тут никого не буду, все кандидаты на уничтожение. Я не спал, до утра так и занимался лечением, голову больше не трогал, сознание ясное, пока хватит, потроха лечил, чуть-чуть кости на местах переломов. Телекинезом вправил перелом на руке, приживив. Это всё что смог, всё же «Д-5» – это довольно мало.

Утром снова кормёжка, ко мне зашли, забрали пустой па-

кет, там давно перестало капать, но воздух не пошёл, новый пакет ставить не стали, снова пнули по ноге с садистским удовольствием, сильный удар, могли и сломать что-нибудь, но я не отреагировал, ждём ночи. Они вышли. Ну а я продолжал медитации, приживлял кости, потроха лечил. При этом Видением изучал здание, где камеры стоят, где силовые линии, коммутационные блоки, прикинул маршрут, как покину подвалы и здание. Также изучал, что там с другими бедолагами, что сидели в соседних камерах, за сутки с момента, как я очнулся, порядка двадцати человек прошли через костоломов СБУ, двоих забили насмерть. Причём отметил, что похоже я не один тут из наших. Большинство гражданские были, однако восьмерых обнаружил в российской форме. На мне такая же цифра была. Есть тут наши из республик, или только из России, не знаю, но уходя хотелось бы вытащить всех, не обещаю, состояние тяжёлое, но постараюсь. Своих бросать грех, да и подло. Сможешь – сделай. И я сделаю, сам себе дал обещание, а я их держу.

Вот так и два полных источника на кости пустил, один на потроха, постепенно заживляя разрывы, гематомы внутреннее, последствия избиения. Когда был ужин, снова раздача еды, зашла ко мне эта парочка, источник был уже полон, так что сначала один шейей хрустнул, что ближе стоял, наклонившись надо мной, потом второй. Те и не поняли, как умерли. Я телекинезом сжал их воротники и дёрнул в сторону, ломая шейные позвонки. Половины резерва как не бывало, но два

труппа рядом, и это радует. Аккуратно сев, я уже вставал пару раз, ходил по камере, по мокрому ледяному полу, разминал тело, готовясь к рывку. Потом лёг на место, приняв ту же позу. Вот и тут, морщась от болей, сел и, спустив ноги на пол, встал, присев у первого. Наклоняться мне слишком больно, а вот так на корточках ещё ничего, действуя больше левой рукой, правая пока травмирована, и дней пять пользоваться ею я не буду. Через две недели я восстановлюсь, через три и следа на внешности не останется о моём пребывании в застенках этой нацистской организации, пока же действуем тихонько и осторожно.

Я развязал шнурки на жёлтых армейских ботинках с высокими голенищами и двумя рывками снял их. Сырники тоже снял. Из этой парочки обувь по моей ноге была только у одного, сорок второй размер, у второго сорок третий. Вот так надел обувь, чуть ношенная, но ничего, подходят. После этого снял вторую пару, остальных бедолаг тоже держат без обуви, местные правила, ну и всю мелочовку по карманам прибрал, прошёлся. Ключ от двери нашёл, это главное. Причём ключ электронный, на кредитку похожий. Американские инструкторы и тут всё по-своему сделали.

Ремень застегнул, продев его в проушины, подтянул. Форму снимать не стал, перелом шей сказался, освободились кишечники, я сам грязный, но своё это своё. А вот мокрую куртку одного из охранников накинул. Мелочовки по карманам хватало, даже одна кредитка была, у того, что мне

обувь свою подарил. Телефонов не имелось, только сигареты, зажигалки, у одного портмоне с гривнами. Часы на руках у обоих, без телефонов тут в подземельях только с помощью них можно за временем следить. Снял оба, одни застегнул на своей левой руке. Что делать давно всё спланировано. Покинув камеру, я прожёл кабель в короб-канале, и камеры на этаже выключились, а я стал открывать ключом камеры, двенадцать открыл, пока мне дистанционно ключ не заблокировали. Для того и пользовался им, что сэкономил пси-силу, дальше открывал двери уже ею. На этом этаже было двадцать камер, с левой стороны только одиночки, одну из них я и занимал, третью, с другой на десятерых. Пустых не было, открывая говорил, что у нас побег, пусть не разбегаются, выведу. Пообщался с теми, что в российской форме были, я один тут из республик, один подполковник, лётчик, он самый старший по званию, младший рядовой, танкист.

Троих послал к лестнице, чтобы заблокировали её. Без оружия против штурмовой группы, что готовилась наверху, спешно, им не продержаться, но хотя бы предупредят. Да и я там побывал, дверь приварил к косяку Силовой Ковкой. Пока выбьют, время будет. Хотя слабо приварил, сил мало, ударят посильнее и выбьют, и взрывчатка не потребуется. Все камеры открыл, и мы спустились вниз, открывая решётчатые двери. Охранники, что тут были, уже сбежали, по зданию и подвалу выла сирена тревоги. На этом самом нижнем этаже тоже двадцать камер. Шесть вскрыли парни ломиком, нашли

где-то, отжали магнитные замки, остальные я открыл. Причём демонстративно карточкой-ключом, как будто та могла помочь, хотя на самом деле перемыкал контакты и замки отключались. Трех из сидельцев пришлось удавить, желающие легко нашлись, из нациков, шум подняли, своих звали. Из наших, россиян, а их девять было, сегодня ещё одного привезли, контуженый десантник, двое неходячих, так избиты, да и пытали их. Одному два пальца отрезали на правой руке. У одного из Чечни обгорелая борода, явно прижгли чем-то, травмы по всему телу, идти не мог. Несли двое, но он, яростно вращая глазами, только рычал, стараясь им помочь. Успели все камеры открыть, когда сверху трое прибежали (двери там ломали, счёт пошёл уже на секунды), так что, ковыляя, я рванул к дальней стене, где висел щит противопожарный, бутафорские пожарные инструменты, но я сунул руку под щит, и раздался щелчок – часть стены отошла. Это был замаскированный эвакуационный ход для сотрудников. Здание новое, предусмотрели, если переворот будет и штурм.

– Один из охранников сообщил перед смертью, – хриплым голосом сказал я.

Солгал, туннель и вход в него я Видением обнаружил, даже с замком успел разобраться, как открывается. Первые желающие из местных рванули в тёмный туннель, ну и мы за ними. Дверь закрыли, долго гадать, куда мы делись, не будут, так что стоит поторопиться, чтобы нас на входе не перехва-

тили. На выходе, а туннель выходил в подвал одной из ближайших пятиэтажек, Видение показало, когда дошли, мне пришлось пробираться через толпу и открывать дверь, фашисты не могли найти запор, уже хотели выбить. Ещё светло было, большая часть, что в гражданском, по-тихому разбежались, пряча избитые лица. Мы же закрыли дверь, она тут тоже замаскирована была, я выглянул из подвала и подъездной двери и сказал своим вниз:

– Там «Газель» грузопассажирская на парковке стоит. Постараюсь завести и подогнать задом к подъезду. Сразу забирайтесь, грузитесь, и уезжаем, пока район не перекрыли.

– Ты думаешь выбраться из Киева? – спросил подполковник, встав на ступеньках лестницы, что вела в подвал, остальные ниже были.

– Мы в Киеве?

– Да. Ты не знал?

– Нет.

На этом я оборвал разговор, времени мало. У двоих, что кормёжку разносили, я маску позаимствовал, чёрная, одна на двоих, защитная. Однако сейчас никто про коронавирус не вспоминал. Надел её, чтобы хоть как-то синяки прикрыть, слабо помогло, да и такое амбре от меня, наверняка глаз резало, но ничего, вышел и, стараясь не шататься, дошёл до машины, тут метров сто было. Сначала открыл замок на задней двери, чтобы парни в грузовой отсек забраться смогли, потом отворил пассажирскую дверь и водительскую, телеки-

нез рулит, но сил мало осталось. Запустил двигатель машины, завелась сразу, машина побегала, но видно, что водитель за ней ухаживает. Рекламных надписей на её белых боках не было, так что кому та принадлежит, непонятно. Не давая прогреться, сдавая назад, я подъехал к подъезду и из него наши рванули, ждали, все, кого мы из камер освободили, уже разбежались. Там четверо сами идти не могли, но их унесли, нашлись те, кто согласился помочь, правда, пришлось заставить, иначе бы бросили. Пятеро в кузов, четверо на заднее сиденье, вперёд не садились, обзор хороший, а сзади тонировка. Вот так и покотил со двора, выехал на улицу, видя, как появляются военные, похоже оцепляют район, беглецы ещё мелькали между домов, надеюсь, уйдут, и покотил прочь. Успели. Мы и квартал покинули, и район, двигаясь в центр город, я в сторону верхушек небоскрёбов рулил.

– Так какой план? – всё не унимался подполковник, стараюсь поменьше двигать челюстью, похоже та у него была сломана, как и у меня, немалый синяк наливался.

Сам я сидел впереди, но в куртке военных сил ВСУ, особо внимания не привлекал, маска частично закрывала следы побоев, так что катили спокойно, не превышая скорости, проехав пару постов на перекрёстке. Тероборона, похоже, многие в гражданском и с автоматами. У некоторых гранатомёты были. Иностранцы. Отвечать нужно настырному летуну, поэтому я сказал:

– Город покидать не будем. Отсидимся в какой-нибудь

пустующей квартире. Дверь открою, тут не вопрос. Главное еды добыть. У меня гривны, вон, кстати, держите, пересчитайте. Заедем в какой-либо продуктовый магазин, и кто из ваших, что выглядит попримечнее, сбегает, закупится. Берите высококалорийной еды, готовой к употреблению. Обувь дам. На мне берцы сорок второго размера, вторая пара, что на полу лежит, сорок третьего. Выберите сами, кто пойдёт из вас четверых. Маску тоже дам, как и второй поясной ремень, с охранника. Пусть уже готовится. То, что форма наша, думаю, местные жители и не поймут сразу. Долго стоять у магазина не стоит. Поищем небольшой, что на первых этажах многоэтажек. Потом покатаемся, как стемнеет, найдём квартиру, я вас там оставлю, отгоню машину, чтобы нас по ней не нашли, и вернусь. Без еды долго не продержимся. Дня три-четыре, и я вас вывезу из города, на самом деле это не сложно.

– Раз план такой, будем ему следовать.

Быстро выяснилось, что у четверых, что сидели в кабине со мной, только у одного сорок второй, у троих других больше размер ноги. Пришлось на ходу нагибаться, чтобы поднять ту пару сорок третьего размера, что я всё это время носил, и бросил на пол. Пусть на размер больше, но лучше это, чем совсем ничего.

– Восемьсот шестьдесят две гривны. И мелочью ещё, – закончив подсчёт содержимого кошелька, известил подполковник.

– Хватит, надо бы ещё в аптеку заглянуть, прихватить антибиотики, перевязочные. Если открыты будут. Мы уже штук десять проехали, только две открыты были. О, смотрите, хлебовозка разгружается, тут и встанем. Хорошее место, тихое.

Мы остановились, маску я уже передал, и выбранный боец, вроде тот танкист, поспешил в здание. Дальности Видения хватало, чтобы отслеживать помещение магазина, мы на тротуар заехали. Я заглушил двигатель, и мы стали ждать, парни в грузовом отсеке забеспокоились, но пока терпели, ожидая, что мы дальше делать будем. Жаль, окна нет в грузовой отсек, хотя бы сообщили, что делаем. Хотя нет, чуть повысить голос, и слышат, вот и сообщили, успокоив их. Ожидать было тягостно, и подполковник спросил:

– Ты сам кем будешь?

– Танкист, позывной Алмаз.

– А звание, фамилия, что за часть?

– У нас не принято сообщать. Хотя документы нацистам попали, смысла скрывать нет. Прапорщик Серов, командир танка из батальона «Дизель». В плен попал, когда гнал по нашему ближнему тылу трофейный танк. Мой в ремонте был, вот и привлекли экипаж к этой работе. Один был. Диверсанты сработали, сначала один ударил, потом второй, ну и меня погасило, очнулся только вчера в камере, оказывается, аж в Киеве. А был у Волновахи. Кстати, какое сегодня число?

– Семнадцатое марта.

– Значит, два дня был без сознания.

Я поглядывал по сторонам, в лопухи зеркал заднего обзора тоже, и увидел, как к нам подходили двое из теробороны, у обоих по автомату и гранатомёты за спиной. Мальчишки совсем, даже восемнадцати нет.

– Похоже нам оружие принесли. Вы сидите, я сам сработаю.

Открыв дверь, я выбрался и, обходя машину сзади, хлебовозка уже уехала, появился за спинами «воинов», дважды ударив по затылкам. Те начали валиться. Я тут же подхватил под мышки одного и, подтащив к корме машины, открыв дверь грузового отсека, сказал парням:

– Ловите бойца теробороны. Снимете всё, что ценное.

После этого и второго притащил, только автомат прихватил и с ним вернулся в кабину. Тела местных «защитников» потом где-нибудь выкинем, я их не убивал, так, оглушил сильно, не более. Автомат назад передал, один из парней схватил и, осмотрев, а это был АК-74, как и у второго, остался доволен. Снаряжён. Только посетовал, что запасных магазинов нет. Старые десантные подсумки остались на теле бывшего хозяина автомата. Конечно, свидетели были из бабулек, свежий хлеб многие покупали, но тут наш парень с шестью пакетами-майками вышел, полными, его встретили, открыв боковую дверь, приняли всё, устроились, тому вперёд пришлось садиться, и покатили прочь.

Какая-то девушка, встав на крыльце магазина, нас снима-

ла на телефон всё это время. Уже темнело, я фары включил, мы укатили в другой район, где, найдя высотку, провели разведку. Все в машине ожидали, а я сходил. Дверь с магнитным замком, но открыл и выяснил, проехав на лифте по этажам, что с десятков квартир свободны от жильцов, там вода перекрыта, газ, видно, что жильцов долго не будет. Заинтересовала одна квартира, четырёхкомнатная с запасами разных круп и еды, видимо думали пережить, но уехали. Я без свидетелей провёл парней наверх, оружие те всё прихватили, пакеты с едой, и, пока размещались, воду включили. Один уже душ принимал. Я отогнал машину подальше и вернулся пешком. По возвращении ещё двумя автоматами обзавёлся, с запасными магазинами, жаль, гранатомётов не было, однако забрал одежду и обувь, у одного мой размер, тюки за спину и дальше двинул. Телефоны также прибрал. А у пацанов, что оставил в «Газели», дверь открыта, сами выберутся. Когда я парням сказал, чтобы сняли трофеи, те поняли меня прямо, только трусы оставили. Вернувшись, я передал автоматы, один комплект одежды и обуви, второй себе оставил, сперва в душ, вещи в стирку, форму свою. Стиралку запустил и занял кровать в детской. Как же хорошо ощущать чистое тело. Я танкист, не высокий, умещался, ну и пока на кухне готовили суп, один из парней вызвался кашеварить, другой вместо медика занимался пострадавшими (аптечку на кухне нашли), ожидал похлёбки и ползал по местной сети, используя один из трофейных смартфонов.

Знаете, как меня возмутило одно видео? Слова одного местного, так называемого укрожурналиста, который сказал, что нужно резать наших детей, чтобы те не мстили. И привёл слова одного немца, что такое предлагал в Великую Отечественную. Нечего, я тут, он вроде тоже, первым делом навещу его, а пока лечимся. Поискал и нашёл ещё такие же сообщения, одна женщина, бандеровка, а они хуже мужчин, жестокие очень, обещала устроиться в детский садик, где русские дети, и мстить. И её найду. Вот я и стал работать по ним, выяснять, где мне их искать.

Земля она круглая, я обязательно с ними встречусь. Найдя этих двух первых уродов, я закопался в инете и начал искать других, наверняка же они не первые и не последние. Нужно список составить. Действительно тот быстро пополнялся. Искал я именно оголтелых, таких пока восемь набралось, именно под ликвидацию, где я не сомневался, таких можно и нужно валить. Поработал бы больше, но позвали ужинать, суп сварили, яйца, четыре упаковки купили, есть что, нарезки разные, колбасы.

В детской я не один был, Аслан лежал на ковре, он толстый, удобно, других мест нет, лежал и скрипел зубами от боли, но не стонал. Его уже обработали, перевязали, но нужно к врачам, поэтому мои слова о трёх-четырёх днях придётся сильно сократить. Следующей ночью отвезу их к своим, день на подготовку потрачу. Да, пока лежал, источник пополнялся, и я ещё помедитировал, как полным стал, всё слил на но-

вое выращивание двух зубов. Мне их семь нужно восстановить, с зубов начал по той причине, что растут долго, нужно быстро вернуть себе полную улыбку. Те уже проклюнулись, скоро и другие под рост создам. А так поев, я принёс тарелку Аслану, мы в одной комнате, и заботу о нём возложили на меня, и стал с ложки осторожно его кормить, из хлеба только мякоть. С трудом глотая, тот поел. Здоровый кабан, тарелка не маленькая, всё съел, и два куска хлеба. Дальше обиходил его, дал чаю, и Аслан уснул.

Сам я постоянно пить хотел. Ещё когда тот парень из магазина вернулся, а он купил упаковку воды, полторашки, я одну отжал себе и, пока катались и искали дом с квартирой, всю ту и выдул, остальные разделили между собой пять бутылок, да ещё тем, что в грузовом отсеке, передавали, оставались для этого на короткое время. Места для сна мало, двухместная кровать в хозяйской спальне, диван в кабинете, детская и диван в гостиной. Причём он раскладывался, а тот, что в кабинете – нет. Подполковник в кабинете устроился, отжал себе одну комнату в одно лицо, двое парней на кровати хозяйской спальни, ещё двое на диване в гостиной, я в детской и всё, тут две кровати, но одна совсем для малышки, спальные места закончены, а осталось ещё четверо. Раненого положили на мягкий уголок на кухне, двое устроились на ковре в гостиной, и вот Аслан со мной. Тот сам на ковёр попросился, сказал привык так спать, а тут мягкий даже.

Я отложил телефон и продолжил медитации. В кварти-

ре стихло, все спать легли, хотя мы люди военные, часовой остался, поглядывал в окна, к двери входной прислушивался. Её забаррикадировали, сразу штурмом не взять. Я же до утра так и не спал, пять раз заполнил источник, но зато все зубы восстановил, вырастил в десне, и теперь те сами росли, уже проклюнулись наполовину, я их поторопил. Заживил щёки во рту, прикушенный язык, хоть есть теперь можно будет без опаски и болей. Всё остальное, рёбра и сломанная челюсть, ну и кисти рук – это завтра. Все трофейные телефоны, те два с парней, я отобрал и отключил, могут отследить по ним, но со своим я поработал, максимум смогут узнать, с какой вышкой работает аппарат, и всё. Я дал свой телефон, те связывались с родными, кто номера помнил, успокаивали, даже вон родным Аслана позвонили, тот номер продиктовал, я прижал телефон к его уху, и он сдавленно, тяжело дыша, общался с родными. Отцом и старшим братом. Я с ними тоже поговорил, объяснил ситуацию, надеюсь, следующей ночью прорвёмся к своим, и Аслана отправят в тыловой госпиталь. Ну нет у нас обезболивающего. Сердце у того крепкое, но нужно к врачам его. Это всё было вчера, уже ночью, а в саму ночь я, дважды заполнив источник, сидел у Аслана и лечил его. Второй раненый стабильный, а у Аслана диагностика показала внутренние повреждения, я их подлечил, и после моей второй медитации ему сразу стало легче, глубже дышать начал, испарина прошла. Теперь точно до врачей доживёт.

Утром завтрак, и после этого я спать лёг, сказал, что вечером двину за машиной, на которой их вывезу. Про то, что бойцы нацбатов расстреливают гражданские машины, что пытаются покинуть город, те в курсе, взяли мой телефон, покопались в интернете, но я успокоил, что знаю пути. Так что после завтрака я спать лёг. Аслана относили в туалет, тот под себя не хотел, усадили и обиходили. Потом в ванну положили и отмыли, стараясь не мочить раны. Это я уже не видел, спал, узнал, когда вечером разбудили, обед я пропустил, ужин был. Напившись воды, выяснил, как там шумят по поводу нашего побега. Истерика по этому поводу у блакитных так и стояла. Нацики обещали всех найти и живьём сжечь. А это за что? Я изучил, что их так взбесило, и весело хмыкнул. Кто-то кинул бутылку с зажигательной смесью в их машину, трое обгорели серьёзно. Те считают, что это сделал кто-то из беглецов, как будто тут нет тех, кто их ненавидит. А так город закрыт наглухо, нас ищут, машины выпускают, но после жёстких проверок. Идёт прочёсывание города, начали с окраин, центр пока не трогают.

– И как теперь? – спросил подполковник, что изучал ту же информацию, встав у меня за левым плечом.

– Не вопрос, сделаем. Кстати, вы кто по специальности?

– Пилот штурмовика.

– Вертолёты знаете?

– Я нет, но лейтенант знает. Он со сбитого «двадцать четвёртого». Пилот.

– Это тот рыжий?

– Да.

– Пойдёт.

– Ты что задумал?

– У мелкого нарика есть свой президентский вертолёт.

Угоним.

– Шутишь?

– Конечно. Я пару раз на перекрёстках броню видел и солдат. Вот бэтээр и угоню. Плавающая машина нужна, чтобы мимо мостов пересекать реки и вообще двигаться по бездорожью. Рванём к нашим. Вот сводка боевых действий, наши в сорока километрах от окраин города.

– А мины? Вон, боевики хвастаются, что окружили город минными полями.

– Мои проблемы, проведу. Я же с вами буду. Только вот к своим вы без меня вернётесь. У меня тут дела.

– Что именно?

– Вот.

Я включил видео, и подполковник мигом взбесился.

– Найти хочешь? – спросил он, когда успокоился. На шум пришли другие парни, и запись с телефоном пошла по рукам, реакция тоже была не слабой.

– Да. Под запись ликвидирую и в сеть выложу, чтобы другим неповадно языком чесать было. Они ведь как, сделают заявление и на следующий день тут же берут свои слова назад, но мысли такие уже вложили в головы, кто-то да начнёт

так действовать. После той жёсткой пропаганды, что те со своим населением устроили, программировать так свой народ они научились. И ведь он не первый, есть представители официальной киевской власти с такими же лозунгами, которые на следующий день забирали свои слова назад, но слово вылетело, укрепилось в умах жителей Украины, его не вернёшь. Резать надо по живому, по-другому они не понимают. Ладно, готовьтесь к эвакуации, как подгоню машину, спускайтесь и грузитесь, а пока мне пообщаться с командиром нужно.

Я забрал телефон у одного из парней, тот как раз заканчивал разговаривать со своим командиром, он помнил только номер супруги и через неё уже на командира вышел, как раз выложил расклады. По памяти набрав номер комбата, я стал ожидать, слушая длинные гудки. Всего полминуты, даже второй раз набирать не пришлось, и ответили:

– Слушаю.

– Доброго вечера, товарищ полковник. Это прапорщик Алмаз. Звоню из горящего танка.

– Шутник. Бежал, значит? Я как вчера узнал о побеге из киевского СБУ, сразу почему-то про тебя подумал. Ты у нас числился пропавшим без вести. Диверсанты сработали?

– Да. Позавчера очнулся в одиночной камере, прикинул расклады и решил бежать, пока мной костоломы не занялись. Так я весь в синяках, но в принципе легко обработали, пока я ещё боец. Кормёжка была, скрутил обоих охранни-

ков, допросил и удавил. Форму позаимствовал, обувь и ключи. Там тревога, выпустил всех и по тайному эвакуационному выходу вывел всех наружу. Разбежались. Я с россиянами, их девять, мы в квартире устроились, в центре, нашли, где хозяйева уехали, и вот переживаем. У нас раненый, мясники из нацистов хорошо поработали, срочно в госпиталь нужно. Я сейчас пробегусь по городу, у нас скоро стемнеет, найду броню, бэтээр угоню и эвакуирую парней. Хотелось бы договориться о месте встречи, чтобы под дружеский огонь не попасть. Можно эвакуировать вертолетом в чистом поле, вообще шикарно было бы.

– Решим вопрос. Кто там с тобой? Перечисли.

Я быстро перечислил, кто со мной бежал из застенков СБУ. Мы успели познакомиться, описав, как попали в плен. Большая часть парни из тыловых колонн. Причём не только данные по специальностям, но и какие травмы и увечья имеют. Полковник пообщался с летуном и пообещал звонить на этот номер, телефон я оставил в квартире, переоделся в гражданскую одежду, доставшуюся от бойца из теробороны, и, покинув квартиру (завал там разобрали уже), по лестнице, тихо шагая в новеньких чёрных кроссовках, спустился на первый этаж. С семнадцатого этажа. Кстати, жили мы тихо, даже ходили на цыпочках. Соседи могли знать, что хозяйева квартиры уехали, проблем с вызовом полиции, если она тут работает, ну или бойцов теробороны, нам не нужно.

Открыв дверь подъезда, я покинул дом, но пошёл не пря-

мо, а вдоль стены, и подошёл к углу, изучая город. В Киеве сейчас комендантский час и светомаскировка, но ночь мне не мешала. Жаль, машину угнать не могу, а не дадут проехать, всех останавливают, ночью все перекрёстки блокированы, на бэтээре проеду, сами пропустят, а вот на гражданском авто точно нет. Я прошёл двор незамеченным, в соседний перешёл, отметив пеший патруль, двое солдат и семеро бойцов теробороны. Видимо сыграло то, что взяли двух мальцов и ещё двоих убили, да, хозяину этой одежды я свернул шею, как и его напарнику, это были взрослые мужики, не стоило им брать оружие. Так вот убийство двоих и захват ещё двоих, по-видимому, их напрягли, поэтому усиленными группами и ходили. Или днём парами и ночью большими группами? Да ну, бред, двоих я тоже ночью взял. Самое интересное, что автомат я добыл. Да один из патруля до кустиков захотел, патруль дальше пошёл, а я возник у того за спиной, и лёгкое движение руки, одной, и голова на сломанной шее свисает набок. Подхватив тело, положил, снял автомат, ремень через голову перекинул, за спину его убрал пока, подсумки снял, по карманам прошёлся. Потом занёс ссыку-на в кусты и побежал дальше, придерживая автомат.

А бежал я в сторону перекрёстка, где видел броню, тут минут сорок бегом, или минут десять на велике. Жаль, велосипеды пока не встречались. Встречи с патрулями были частыми, ещё три автомата, все АК-74 и один РПК, стали моими трофеями. Тяжело, поэтому решил сделать схрон. Для этого

ещё были причины. Дело в том, что я заметил дорогой внедорожник, мотор горячий, и Видение показало, что багажник его не пустой, там были АКС-74у, разгрузка с магазинами и рацией, цинк патронов «пятёрки», но самое главное то, что к автомату имелся цилиндр глушителя и три чёрных кофра, стоявших отдельно. В кофрах пистолеты «Глок-17», к каждому по четыре магазина и глушителю. Также коробка с патронами к ним. Где-то пять сотен штук. Ну и напоследок гранатная сумка с шестью гранатами РГД-5. Даже снаряжены.

Восхитительная находка. Машину вскрыл, сигнализация не сработала, всё на себя нагрузил, тяжело, а надо, в бардачке машины пачки долларов и гривен, патроны для «макарова», но самого пистолета нет, всё прихватил и тяжёлой походкой направился дальше, снова поставив машину на сигнализацию. Перед этим разместил растяжку под сиденьем водителя, рванёт, когда тот сядет. Машина бойцу одного из нацбатальонов принадлежала, нацистских символов много на приборной панели, что видимо иконы заменяли. Дойти я смог до третьего дома от парковки, где внедорожник немецкий обчистил. Вот и зашёл в один из домов, нашёл квартиру, запертую и явно оставленную надолго, хозяин растяжку внутри поставил, но я, открыв дверь, перешагнул через неё и оставил оружие и боезапас под диваном. Оружие разрядил, магазины от патронов тоже разрядил, сделал запас оружия. Один «Глок» подготовил, магазины снарядил, глушитель прикру-

тил, пару гранат прихватил и, покинув квартиру, побежал дальше. К счастью, БТР-80 стоял на месте, судя по тактическим знакам, тот из гвардии, то есть из полка охраны президента. Это если я не ошибаюсь, а вполне могу. Солдат с офицером было полтора десятка, и это не лохи из теробороны, а серьёзные, крепко подготовленные бойцы. Взял их за десять минут, даже пистолет не доставал, только пси-сила. Честно скажу, было бы их два десятка, не справился бы, а тут те поняли, что их убивают, когда всего двое осталось, да и те экипаж бэтэера. Вот их пристрелил, открыв люк. Те вроде как заперты были. А так тут два бэтэера и бронемашина «Варта», пришлось бронемашину бросить, трупами солдат забил её доверху, штабелями, оружие в боевой отсек «восьмидесятки», как и подсумки, рации, каски, всё, что с солдат снял, те хорошо экипированы. На себя бронезилет накинул. Брошенную машину запер и заминировал, нашлось чем, так что, запустив движок бэтэера, я стронулся с места и покатил обратно к дому, там видимо следили с балкона, надеялись, что я на броне вернусь, и пока я на узких проулках между машинами во дворе разворачивался и пятился задом к подъезду, те собрались, раненых и оружие в руки, и спустились. В два приёма. Все в один лифт не вошли. Пока вооружались свежими трофеями, каски и бронезилеты разошлись, и заносили внутрь раненых через десантные люки, сами забирались, в башню сел один из танкистов, покрутив той и проверив вооружение, после чего мы покатали из центра на окра-

ину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.